

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет

Е.Е. Михайлова

**СССР ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ.
1937 – 1940 гг.**

Хрестоматия

Рекомендовано методической комиссией исторического факультета
для студентов ННГУ, обучающихся по направлению подготовки 030600
«История»

Нижний Новгород
2013

Михайлова Е.Е. СССР ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ. 1937 – 1940 гг.: Хрестоматия. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2013. – 88 с.

Рецензент: д.полит.н. И.В. Шамин

В хрестоматии изложены материалы по спецкурсу, посвящённого анализу эволюции внешнеполитической стратегии Великобритании накануне и в начале Второй мировой войны. Изучение фактов и документов даёт возможность студентам формировать и аргументировано высказывать свою точку зрения.

Предназначено для студентов изучающих вопросы международных отношений в период новейшего времени.

Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2013

Занятие: МЕТОДОЛОГИЯ КУРСА

Источник текста:

Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2002. – 590 с. с. 116.

Глава 4. Традиции, парадигмы и споры в ТМО

Рассмотрим несколько подробнее основные положения этих споров, имея в виду, что их развитие дало жизнь новым парадигмам и новым направлениям в международно-политической науке, что, впрочем, не ознаменовалось полным исчезновением «канонических» парадигм, а тем более — забвением теоретических традиций.

Таблица 1

Предмет спора	Реализм	Либерализм	Марксизм
Акторы	Государства (правительства)	Не только государства, но и негосударственные организации, ТНК, общественные группы и частные лица	Социальные классы — всемирная буржуазия и мировой пролетариат
Природа международных отношений	Анархическая (отсутствие верховной власти и господство принципа «помоги себе сам»)	Усиление роли международных организаций, права и морали, которые ограничивают анархию	Империалистическая, эксплуататорская
Цели	Защита национальных интересов, «определенных в терминах власти»; максимальная безопасность государства	Плюрализм целей с приоритетом универсальных идеалов	Свержение господства мировой буржуазии
Средства	Сила и баланс сил (стратегия и дипломатия)	Создание международных организаций, развитие международного права, сотрудничество	Классовая борьба и социалистическая революция
Процессы	Межгосударственные конфликты и войны как крайняя форма их	Возрастание взаимозависимости; сотрудничество государств	Классовые конфликты и революции; международные

	проявления	и народов	кризисы и войны
Будущее международных отношений	Нет будущего: характер МО остается неизменным	Постепенное преодоление вооруженных конфликтов и войн; «вечный мир»	Торжество социализма и коммунизма на Земле
Исходный пункт теоретического анализа	Неизменность человеческой природы; национальные интересы	Универсальные ценности и идеалы	Экономические интересы
Представители	Фукидид; Н. Макиавелли; Т. Гоббс; Э. Карр; Г. Моргентау	Дж. Локк; И. Кант; И. Бентам; А. Смит; В. Вильсон	К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин

Занятие: РОССИЯ И ЗАПАД: ПРИЧИНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Источник текста:

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс - Культура, СПб: Ювента, 1996. – 480 с. С. 436 – 443.

Россия и Запад

Вероятно, лучший способ для автора представить читателю предмет своего труда — это объяснить, почему книге дано именно то название, которое она носит. «Почему, — может изумиться читатель, — книга названа «Мир и Запад»? Разве не называем мы «Западом» всю основную часть мира, которая сегодня имеет какое-то значение для жизни мира? А если автор хочет сказать что-то об остальной, незападной части мира, то почему он поставил эти два слова в таком порядке? Почему бы ему не написать «Запад и мир» вместо «Мир и Запад»? Отчего он не поставил слово «Запад» на первое место?»

Название в том виде, в каком оно вам представлено, было выбрано специально для того, чтобы сделать упор на двух моментах, весьма существенных для понимания самого предмета рассмотрения. Первый момент — это то, что Запад никогда не составлял всего значимого мира. Запад никогда не был единственным действующим лицом на сцене современной истории, даже находясь на самой вершине западной мощи (а вершина эта, вероятно, уже пройдена). Второй момент — в столкновении между миром и Западом, которое

длиться к нынешнему времени уже четыре или пять веков, именно остальной мир, а не Запад обрел наиболее значительный опыт. Не мир нанес удар Западу, а именно Запад нанес удар — и очень сильный — остальному миру; вот почему в названии этой книги слово «мир» поставлено на первое место.

Западный человек, который захочет разобраться в этой теме, должен будет хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» и посмотреть на столкновение между остальным миром и Западом глазами огромного незападного большинства человечества. Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомним, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах¹; народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV века западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в обеих Америках, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и Восточной Африке². А африканцы — о том, как их обращали в рабство и перевозили через Атлантику, чтобы сделать живыми орудиями для приумножения богатства их алчных западных хозяев. Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест, чтобы расчистить пространство для западноевропейских незваных гостей и их африканских рабов.

У большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль и даже, вероятно, возмущение. Голландцы скажут, что они же ушли из Индонезии, а британцы — что они оставили Индию, Пакистан, Бирму и Цейлон еще в 1945 году³. У британцев на совести не лежит никакой новой агрессии со времен войны в Южной Африке в 1899-1902 годах⁴, а у американцев — с испанско-американской войны 1898 года⁵. Мы слишком легко забываем, что германцы, напавшие на своих соседей, включая Россию, в Первой мировой войне и, повторив свою агрессию во Второй, тоже принадлежат к Западу и что русские, как и народы Азии и Африки, не видят больших различий между разными ордами «франков», как звучит общемировое наименование людей Запада среди масс. Как гласит известная латинская поговорка, «Когда мир выносит приговор, последнее слово всегда за ним». И без сомнения, суждение мира о Западе определенно подтверждается в последние четыре с половиной столетия, вплоть до 1945 года. За все это время мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как правило, всегда агрессор, и если в отношении России и Китая знак переменялся на противоположный, то это совершенно новая ситуация, возникшая только после окончания Второй мировой войны. И страх и возмущение Запада по поводу недавних агрессивных действий России и Китая в отношении Запада только подтверждают, что для нас, западных людей, это совершенно новый опыт — пострадать от рук

остального мира, как весь остальной мир страдал от Запада в течение последних столетий.

Итак, каков же опыт остального мира в общении с Западом? Начнем с опыта России, ибо Россия есть часть общемирового незападного большинства человечества. Хотя русские были христианами, а многие и сейчас ими остаются, они никогда не принадлежали к западному христианству. Россия была обращена в христианство не Римом, как, например, Англия, а Константинополем; несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории.

Эта довольно печальная история отношений России с Западом имела тем не менее довольно счастливую первую главу, ибо, несмотря на различный образ жизни, Россия и Запад довольно удачно взаимодействовали в пору раннего средневековья. Шла взаимная торговля, заключались династические браки. Например, дочь английского короля Гарольда вышла замуж за русского князя⁶. Отчуждение началось в XIII веке, после нашествия татар на Русь. Татарское иго продолжалось недолго, ибо татары были степными кочевниками и не могли укорениться в русских лесах и полях. В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнокатолическому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках⁷.

Западные завоевания средневекового периода отразились на внутренней жизни России и на ее отношениях с западными обидчиками. Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из факторов, побудивших Россию подчиниться новому игу, — игу коренной русской власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить. Не случайно, что это новое самодержавное централизованное правление возникло именно в Москве, ибо Москва была форпостом на пути возможной очередной западной агрессии. Поляки в 1610 году, французы в 1812-м, германцы в 1941-м — все шли этим путем. И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями.

Такое смиренное отношение к самовластному режиму, ставшее традиционным в России, является с западной точки зрения одной из главных

трудностей в сегодняшних отношениях между Россией и Западом. Огромное большинство людей на Западе считают, что тирания — это невыносимое социальное зло. Ценой страшных усилий мы задавили тиранию, когда она подняла голову среди нас в виде фашизма и национал-социализма. Мы чувствуем такое же отвращение к ней в ее российской форме, будь она названа царизмом или коммунизмом. Мы не хотим наблюдать за распространением этой российской формы тирании; особенно мы стали задумываться об опасности, грозящей западным идеалам свободы, сейчас, когда мы, франки, впервые со времен турецкой осады Вены в 1682 – 1683 годах⁸ почувствовали себя в положении обороняющейся стороны. Наше нынешнее беспокойство по поводу угрозы, исходящей, по нашему мнению, от России, кажется нам вполне оправданным. Однако мы должны внимательно следить за тем, чтобы изменение знака в отношениях России и Западе после 1945 года не увело нас в сторону и не заставило в наших естественных заботах о настоящем забыть о прошлом. Если мы посмотрим на столкновение между Россией и Западом глазами историка, а не журналиста, то увидим, что буквально целые столетия вплоть до 1945 года у русских были все основания глядеть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию.

За последние несколько веков угроза России со стороны Западе, ставшая с XIII века хронической, только усиливалась с развитием на Западе технической революции, и следует признать, что однажды, разразившись, эта революция не проявляет до сих пор никаких признаков спада.

Стоило Западу взять на вооружение стрелковое оружие, Россия тотчас же последовала за ним и уже в XVI веке использовала это новое западное оружие для покорения волжских татар и первобытных народов Урала и Сибири. И тем не менее в 1610 году превосходство западных вооружений позволило полякам захватить Москву и удерживать ее в течение двух лет, в то время как шведы примерно тогда же перекрыли России выходы к Балтийскому морю и Финскому заливу⁹. В ответ на западные акты агрессии Россия в XVII веке целиком переняла западную технологию того времени, усвоив и некоторые элементы западного образа жизни, неотделимые от использования технологии.

Характерной чертой самодержавного централизованного московского режима было то, что эта техническая и сопровождавшая ее социальная революции, совершившиеся в России на переломе XVII и XVIII веков, были проведены сверху вниз, волей одного человека, гением Петра Великого. Петр является ключевой фигурой для понимания отношений остального мира с Западом не только в отношении России, но и в мировом масштабе, ибо Петр — это архетип автократического реформатора в западном духе, и он на два с половиной столетия избавил мир от попадания в полную зависимость от Западе, научив его противостоять западной агрессии ее же собственным оружием. Султаны Селим III и Махмуд II, президент Мустафа Кемаль Ататюрк в Турции, Мехмед Али Паша в Египте, высшие государственные чиновники, совершившие вестернизацию Японии в 1860-х годах¹⁰, — все они, вольно или невольно, ступали по тропе, проложенной Петром Великим.

Петр запустил Россию на орбиту технологического соревнования с Западом и по этой орбите она движется по сей день. Россия, могла позволить себе отдохнуть, ибо Запад постоянно делал новые броски. Так, Петр и его потомки в XVIII веке подняли Россию на уровень Западного мира того времени, благодаря чему русские смогли победить шведских захватчиков в 1709 году и французских агрессоров в 1812-м, но уже в XIX веке промышленная революция на Западе вновь оставила Россию позади, и — как следствие — Россия потерпела поражение от германского вторжения в ходе Первой мировой войны, так же как двумя веками раньше она пострадала от поляков и шведов. Современное коммунистическое автократическое правительство смогло смести царизм вследствие поражения России в 1914-1918 годах от западной технологии, и в период с 1928 по 1941 год¹¹ коммунистический режим попытался сделать для России то, что удалось Петру 230 лет назад.

Во второй раз в современной фазе своей истории России пришлось по воле самовластного правителя пуститься ускоренным маршем вдогонку за западной технологией, которая в очередной раз ушла вперед; и сталинский тиранический путь технической вестернизации осуществлялся, как это было и в петровские времена, через тяжкие испытания и принуждение. Коммунистическая техническая революция в России предопределила победу над германскими захватчиками во Второй мировой войне, так же как петровская техническая революция обеспечила победу над шведскими агрессорами в 1709 году и над французскими — в 1812 году. И тогда, спустя несколько месяцев после освобождения российской земли от германской оккупации в 1945 году, американские союзники России сбросили на Японию атомную бомбу, которая возвестила о третьей западной технической революции. Так что теперь, в третий раз, России приходится выступать ускоренным маршем в попытке догнать западную технологию, сделавшую новый бросок вперед и опять оставившую Россию позади. Результат этой новой, третьей стадии перманентного соревнования между Россией и Западом еще скрыт в тумане будущего; однако уже сейчас совершенно ясно, что возобновление технологических гонок создает новые серьезные трудности для взаимоотношений между двумя эксхристианскими обществами.

Технология — это всего лишь длинное греческое слово, изначально означавшее «сумка с инструментами»¹²; нам следует спросить себя; какие инструменты имеют наибольшее значение в этом соревновании, все ли они служат показателем мощи и силы? Разумеется, этой цели служит и ткацкий станок и локомотив, как и пулемет, самолет или бомба. Но среди этих инструментов есть отнюдь не только материальные, но и духовные, наиболее мощные из всех, что создал Человек. Таким инструментом может стать, скажем мировоззрение; и в новом раунде соревнования между Россией и Западом, открывшемся в 1917 году, русские бросили на чашу весов мировоззрение; и этот духовный инструмент способен перевесить материальные орудия Запада,

подобно тому как в истории о выкупе Рима у галлов меч Бренна, брошенный на весы, перевесил все золото Рима¹³.

Итак, коммунизм есть оружие, и, как бомбы, самолеты и пулеметы, это тоже оружие западного происхождения. Не изобрети его в XIX веке Карл Маркс и Фридрих Энгельс, два человека с Запада, воспитанные в рейнской провинции и проведшие большую часть жизни в Лондоне и Манчестере, коммунизм никогда не стал бы официальной российской идеологией. В российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно; и совершенно очевидно, что русским и в голову бы не пришло ничего подобного, не появившись он на Западе, готовый к употреблению, чем и воспользовался революционный российский режим в 1917 году.

Позаимствовав у Запада помимо промышленных достижений еще и западную идеологию и обратив ее против Запада, большевики в 1917 году дали российской истории совершенно новое направление, ибо Россия впервые восприняла западное мировоззрение. Мы уже отметили, что христианство пришло в Россию не с Запада, а из Византии, где оно имело отчетливый антизападный дух и форму; предпринятая же в XV веке попытка навязать России западную форму христианства потерпела полный провал. В 1439 году на церковном Соборе во Флоренции представители восточноправославной Церкви из оставшейся части Византийской империи с неохотой признали главенство Папского престола в надежде, что в ответ Западный мир спасет Константинополь от захвата турками. Присутствовал на Соборе и Митрополит Московский, подчинявшийся греческому Патриарху Константинопольскому; и голосовал он так же, как и его братья во Христе, представлявшие греческую православную Церковь; однако по возвращении домой его признание Папского престола было аннулировано, а сам он низложен¹⁴.

Двести пятьдесят лет спустя, когда Петр Великий отправился на Запад изучать западную технологию, уже не стоял вопрос о том, чтобы в обмен на секреты западного мастерства Россия приняла западную форму христианства¹⁵. В конце XVII века на Западе произошла резкая смена отношения не только к религиозному фанатизму, но и к самой религии; это явилось результатом моральной усталости от собственных междоусобных религиозных войн. Таким образом, Западный мир, к которому Россия во времена Петра пошла в ученики, был уже миром нерелигиозным; и наиболее просвещенное меньшинство русских, ставшее проводником вестернизации в России, последовали примеру своих западных современников и стали холодно относиться к православной форме христианства, не приняв, однако, и западной веры. Вот почему у нас есть основания сказать, что, внедряя коммунистическую идеологию в 1917 году, Россия рассталась со своей вековой традицией, впервые в истории перенеяв западное мировоззрение.

Читатель, видимо, заметит, что это мировоззрение, принятое Россией в 1917 году, особенно подходило ей в качестве западного оружия для развязывания антизападной идеологической войны. На Западе, где данное

учение возникло, оно считалось ересью, Это, по сути, была попытка критики Запада в его неспособности следовать собственным христианским принципам в сфере экономической и социальной жизни якобы христианского общества; но ведь идеология западного происхождения, которая представляет собой обвинение в адрес западного образа жизни, — это как раз то духовное оружие, которое противник с удовольствием подберет и обратит против его создателей. Обретя это западное оружие, Россия имеет возможность перенести борьбу против Запада в духовной сфере на территорию противника. Поскольку коммунизм возник как продукт неспокойной совести Запада, он, вернувшись обратно в Западный мир в виде русской пропаганды, вполне может тронуть другие совестливые западные души. Поэтому теперь, впервые в современной истории Западного мира с конца XVII века, когда иссяк поток западных новообращенных в исламскую веру¹⁶, Запад снова оказался под угрозой духовного разрушения изнутри и духовного штурма извне. Таким образом, коммунизм, угрожая основам Западной цивилизации на ее собственной почве, показал себя куда более эффективным антизападным оружием в руках русских, чем любые материальные вооружения.

Кроме того, коммунизм послужил России орудием привлечения в свой стан китайской части света и ряда других групп того огромного большинства человечества, которое не принадлежит ни к России, ни к Западу. Мы понимаем, что исход борьбы за лояльность этих нейтральных групп может кардинальным образом повлиять на решение российско-западного конфликта в целом, когда это и нерусское и незападное большинство человечества подаст свой голос за ту или иную сторону в их борьбе за мировое господство. Коммунизм способен с удвоенной силой привлекать угнетенные народы Азии, Африки и Латинской Америки, если эту идеологию будет им предлагать Россия. Скажем, русский представитель говорит азиатскому крестьянину: «Если вы последуете примеру России, коммунизм даст вам силы выстоять против Запада, как выстояла коммунистическая Россия в борьбе со своими врагами». И второе, что может привлечь, — это то, что коммунизм обещает избавить народы от крайнего неравенства между богатейшим меньшинством и беднейшим большинством населения азиатских стран, чего свободное предпринимательство никогда не обещало и обещать не собиралось. Недовольное азиатское большинство, однако, не единственная часть человечества, которую привлекает коммунизм. В идеологии этой есть притягательная сила, действующая на людей, ибо коммунизм претендует на то, что сможет обеспечить человечеству единение как единственную альтернативу саморазрушению в наш атомный век.

Создается впечатление, что в столкновении между Россией и Западом инициатива в духовной сфере, в отличие от сферы технологической, перешла, во всяком случае на данный момент, от Запада к России. Мы здесь, на Западе, не можем себе позволить смириться с этим, ибо эта западная ересь — коммунизм, которую подхватили русские, большинству западных людей представляется извращенной, неверной и разрушительной доктриной и совершенно неприемлемым образом жизни. Теолог мог бы сказать, что наш

великий современник, западный ересиарх Карл Маркс, совершил характерную для еретика интеллектуальную ошибку, впал в заблуждение. Обнаружив в духовной ортодоксии Запада побуждение к безотлагательным реформам, он упустил из виду все остальные соображения и в результате изобрел лекарство более вредоносное, нежели сама болезнь.

То, что русские добились успеха, перехватив инициативу у Запада, вооруженные западной же ересью, называемой коммунизмом, а затем развеяли ее по миру ядовитым облаком антизападной пропаганды, отнюдь не означает, что коммунизм непременно восторжествует. Марксова теория, на взгляд немарксиста, слишком узка и слишком извращена, чтобы удовлетворять чаяниям людским на все времена. Но все-таки успехи коммунизма, проявившие себя вполне зримо, должны послужить предостережением на будущее. И если мы что-то должны и можем уяснить себе, так это то, что столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную. Некоторый свет на эту, для нас будущую, главу истории может пролить история столкновения мира с Грецией и Римом. Но прежде, чем рассматривать этот пример, нам необходимо взглянуть на то, какие успехи делают Исламский мир, Индия и Дальний Восток в их нынешних столкновениях как с Западом, так и с Россией.

Занятие: БРИТАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИКИ «БАЛАНСА СИЛ» В ЕВРОПЕ

Источник текста:

Фуллер Д. Вторая мировая война 1939-1945. Стратегический и тактический обзор. – М.: Изд. иностранная литература, 1956. – 550 с. С. 37 – 39.

Цели воюющих государств

Военные цели воюющих сторон были прямым результатом их внешней политики. Давным-давно Клаузевиц указывал, что «война есть не что иное, как продолжение политики, только иными средствами». Он говорил, что «военное искусство на своей "высшей точке становится политикой, дающей сражение вместо того, чтобы писать ноты»(1).

Со времен Тюдоров и до 1914г. Британия стремилась сохранять равновесие сил, то есть разделять путем соперничества великие континентальные державы и сохранять равновесие между ними. С точки зрения равновесия сил сразу было видно, кто являлся потенциальным противником. Врагом становилось не самое плохое государство, а то, которое больше, чем остальные, угрожало Британии или ее империи. Так как такое государство обычно было сильнейшим из числа континентальных держав, британские государственные деятели в мирное время были на стороне второго по силе государства или группы государств, коалиция которых только слегка уступала сильнейшему государству. Исходя из этого принципа, они вовсе не стремились к уничтожению противника, ибо это навсегда расстроило бы равновесие сил. Вместо этого целью войны было такое ослабление сильнейшего государства, чтобы можно было восстановить равновесие сил. Как только достигалось нужное ослабление, начинались переговоры о мире(2).

Французская политика со времен Ришелье и по сей день направлена на то, чтобы защитить свою восточную границу и держать Германию в состоянии раздробленности. Следовательно, политика Франции также исходила из равновесия сил, но не в Европе в целом, а среди германских государств. Германия, будь она Священной Римской империей, Пруссией, Вторым или Третьим рейхом, была единственной континентальной державой в Европе, которая могла соперничать с Францией(3).

Если сравнить эти две концепции равновесия сил, то видно, что они резко отличаются друг от друга. Если британская концепция исходила из существования по крайней мере двух равных или почти равных великих держав или групп держав, то французская концепция полагалась только на одну державу — на саму Францию. Следовательно, цели Франции противоположны целям Британии. И со времен Людовика XIV антагонизм между ними в различных формах прослеживается в основе почти каждого крупного европейского кризиса. Отсюда дурная репутация, которой пользовались концепции равновесия сил (4).

Для того чтобы избежать повторения этих кризисов, в 1919 г. державы-победительницы, следуя советам американцев, согласились создать Лигу Наций. Коллективная безопасность должна была сделать излишним сохранение равновесия сил. Поскольку сами Соединенные Штаты не были европейской державой и не могли стать таковой, даже если бы они ратифицировали мирный договор, Франция осталась сильнейшей в военном отношении державой в Европе, и потенциально судьба равновесия сил автоматически перешла в ее руки. Тут-то и выступила на сцену традиционная французская политика. Это стало очевидным в 1923 г., когда Франция оккупировала Рур. В результате Британия постепенно вернулась к своей традиционной политике и начала выступать в пользу Германии, чтобы создать противовес Франции(5).

Если бы в финансовом отношении Британия занимала положение, в каком она была в 1913 г., то есть если бы она оставалась мировым банкиром, отход от политики коллективной безопасности и возвращение к политике равновесия сил создали бы для нее сильные позиции.

1. Клаузевиц К., О войне, т. 2, М. Воениздат, 1936, с. 382.

2. Поучительно отметить, что Гитлер был полностью осведомлен о всех зигзагах этой политики, как видно из приводимых ниже цитат. «Англия всегда стремилась и будет стремиться, чтобы ни одна из континентальных держав Европы не заняла положения мировой державы. Поэтому Англия старается сохранить определенное равновесие сил среди европейских государств, ибо оно, очевидно, является необходимым условием для господства Британии в мире» (Mein Kampf, Eng. Ed., 1939, p. 503).

3. «Франция всегда стремилась и будет стремиться к тому, чтобы Германия не стала единым государством. Франция хочет сохранить ряд небольших германских государств, силы которых будут уравнивать друг друга и над которыми не будет центрального правительства. Тогда, захватив левый берег Рейна, она выполнила бы предварительное условие установления и обеспечения своей гегемонии в Европе... Франция есть и будет непримиримым врагом Германии. Не имеет никакого значения, какие правительства правили или будут править во Франции... их внешняя политика будет всегда направлена на то, чтобы установить границу по Рейну и упрочить положение Франции на этой реке, разъединив и расчленив Германию... Я никогда не поверю тому, что Франция способна по собственной воле изменить свои намерения в отношении нас, эти намерения в конце концов являются лишь выражением французского инстинкта самосохранения. Если бы я был французом и если бы величие Франции было так же дорого мне, как величие Германии, то я не мог бы действовать и не действовал бы иначе, чем Клемансо» (Mein Kampf, Eng. Ed., 1939, p. 503-505, 548),

4. «Балканизация Европы, до определенной степени была желательна, больше того — необходима в свете традиционной политики Великобритании, так же как Франция желала балканизации Германии. Конечные цели французской дипломатии должны находиться в постоянном противоречии с

конечными тенденциями, британских государственных деятелей» («Mein Kampf», Eng. Ed., 1939, p. 503, 504).

5. «Что касается внешней политики, то оккупация Францией Рура в первый раз серьезно отдалила Англию?» («Mein Kampf», Eng. Ed., 1939, p. 550).

Источник текста:

Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х книгах. Кн. 1. Т. I-II. – М.: Воениздат, 1991. – 592 с. С. 97 – 99.

Глава двенадцатая
НАПРЯЖЕННАЯ ПАУЗА — ИСПАНИЯ
(1936— 1937 гг.)

Здесь уместно изложить принципы английской политики в отношении Европы, которых я придерживался в течение многих лет и все еще продолжаю придерживаться, Я не мог лучше изложить их, чем я сделал это на заседании консервативных членов комиссии по иностранным делам, которые пригласили меня выступить перед ними на закрытом заседании в конце марта 1936 года.

«На протяжении 400 лет внешняя политика Англии состояла в том, чтобы противостоять сильнейшей, самой агрессивной, самой влиятельной державе на континенте и, в частности, не допустить захвата такой державой Бельгии, Голландии и Люксембурга. Если подойти к вопросу с точки зрения истории, то эту четырехсотлетнюю неизменность цели на фоне бесконечной смены имен и событий, обстоятельств и условий следует отнести к самым примечательным явлениям, которые когда-либо имели место в жизни какой-либо расы, страны, государства или народа. Более того, во всех случаях Англия шла самым трудным путем. При столкновениях с Филиппом II Испанским, с Людовиком XIV, с Наполеоном, а затем с Вильгельмом II ей было бы легко и, безусловно, весьма соблазнительно присоединиться к сильнейшему и разделить с ним плоды его завоеваний. Однако мы всегда выбирали более трудный путь, объединялись с менее сильными державами, создавали из них коалицию и, таким образом, наносили поражение и срывали планы континентального военного тирана, кем бы он ни был, во главе какой бы страны ни стоял.

Заметьте, что политика Англии совершенно не считается с тем, какая именно страна стремится к господству в Европе. Дело не в том, Испания ли это, французская монархия, Французская империя, Германская империя или гитлеровский режим. Ей безразлично, о каких правителях или странах идет речь; ее интересует лишь то, кто является самым сильным тираном или кто может превратиться в такого тирана.

В связи с этим встает вопрос: какая держава в Европе является сейчас сильнейшей и кто стремится установить свое деспотическое господство? Сегодня, в нынешнем году, по-видимому, на известный период 1937 года французская армия — сильнейшая в Европе. Но никто не боится Франции. Все знают, что Франция хочет, чтобы ее не трогали, и что она стремится только к

самосохранению. Все знают, что французы мирно настроены и охвачены страхом. В то же время это храбрые, решительные, миролюбивые люди, которых гнетет чувство тревоги. Это либеральная страна, имеющая свободные парламентские институты.

Германия же никого не боится. Она вооружается в масштабах, еще невиданных в истории этой страны. Во главе ее стоит кучка торжествующих головорезов. При правлении этих деспотов денег не хватает, недовольство растет. Очень скоро им придется сделать выбор между экономическим и финансовым крахом или внутренним переворотом, с одной стороны, и войной, у которой не может быть иной цели и которая, если она успешно закончится, не может иметь иного результата, кроме германизации Европы под нацистским контролем, с другой. Поэтому мне кажется, что сейчас снова создались все прежние условия и что наше национальное спасение зависит от того, удастся ли вновь собрать все силы Европы, чтобы сдержать, ограничить и, если необходимо, расстроить планы установления германского господства. Наш долг — в первую очередь заботиться о жизни и способности Британской империи к сопротивлению, а также о величии нашего острова и не предаваться иллюзиям, мечтая об идеальном мире, который означает лишь, что вместо нас контроль установила бы другая, худшая сила и что в будущем руководство принадлежало бы ей.

Мои три основных положения состоят в следующем. Во-первых, мы должны оказать сопротивление претенденту на роль властелина или потенциальному агрессору. Во-вторых, Германия при ее нынешнем нацистском режиме, с ее громадными вооружениями, созданными с такой быстротой, несомненно, играет эту роль. В-третьих, Лига Наций самым действенным образом сплачивает многие страны и объединяет наш собственный народ, позволяя обуздать возможного агрессора. Прежде всего мы должны учитывать нашу действительную связь с Францией. Это не означает, что мы должны создать излишне враждебное отношение к Германии. Наш долг и наши интересы требуют, чтобы мы не допускали накаливания отношений между этими двумя странами. Нам это будет нетрудно в той мере, в какой это касается Франции. Подобно нам, это — парламентарная демократия, сильно настроенная против войны, и, подобно нам, сталкивающаяся с серьезными трудностями при подготовке своей обороны. Поэтому, говорю я, мы должны считать наш оборонительный союз с Францией основой всего. Все остальное мы должны подчинить этому факту теперь, когда наступили такие трудные и опасные времена. Самое главное — это решить, в каком направлении следует идти. Я лично стою за вооруженную Лигу всех наций или стольких наций, сколько удастся привлечь к этому, Лигу, противостоящую потенциальному агрессору, причем основой этой Лиги должны быть Англия и Франция».

Источник текста:

Гитлер А. Моя борьба. – М.: Витязь, 2000. – 598 с. С. 518 – 523.

К характеристике нашей современной внешней политики надо сказать, что найти в ней какую-нибудь определенную, сколько-нибудь понятную общую линию совершенно невозможно. До войны германское правительство шло по четвертому из возможных путей, хотя и тут проявляло достаточно половинчатости. Но со времени революции даже вооруженным глазом нельзя разглядеть сколько-нибудь определенной линии нашей внешней политики. Еще в большей степени чем до войны нынешняя иностранная политика Германии абсолютно лишена какой бы то ни было планомерности и обдуманности. В ней можно найти только одну планомерность; систематическое стремление создать такое положение, при котором наш народ никогда не мог бы подняться.

При хладнокровном рассмотрении современного соотношения сил в Европе приходится придти к следующим выводам.

В течение трехсот лет история нашего континента определялась прежде всего попытками Англии всегда создавать такие группировки держав в Европе, которые уравнивали бы друг друга и тем обеспечивали бы тыл Англии, давая ей свободу действий в области мировой политики.

Традиционная тенденция британской дипломатии (в Германии аналогичную традицию до некоторой степени пыталась создать прусская армия) со времен императрицы Елизаветы заключалась в том, чтобы не дать ни одной из европейских великих держав подняться выше определенного уровня. В борьбе за эту цель Англия прибегала к каким угодно средствам, не исключая и войн. Средства, которые Англия в этих случаях пускала в ход, бывали очень различны, в зависимости от создавшегося положения или поставленной задачи. Но решительность и настойчивость Англия всякий раз проявляла одну и ту же. Чем труднее становилось со временем положение Англии, тем с большей настойчивостью британские государственные деятели продолжали добиваться того, чтобы европейские государства непременно уравнивали друг друга и во взаимном соревновании неизменно парализовали свои силы. Когда Северная Америка политически отделилась от Англии, это еще в большей мере привело к тому, что Англия стала делать еще более настойчивые попытки к сохранению европейского равновесия, долженствовавшего обеспечить английский тыл. После того как Испания и Нидерланды были уничтожены как большие морские державы, Англия сконцентрировала все свои усилия против подымающейся Франции, пока наконец с крушением Наполеона I угроза военной гегемонии Франции могла в глазах Англии считаться уничтоженной.

Лишь постепенно британское государственное искусство обращалось против Германии. Процесс этот развивался медленно, во-первых, потому что пока Германия не достигла единства, она не могла представлять сколько-нибудь реальной опасности для Англии, во-вторых, потому что общественное мнение широких масс, созданное путем длительной пропаганды, меняется лишь весьма медленно. Убеждения государственных деятелей носят характер трезвый, широкая же пропаганда, имеющая в виду народные массы, апеллирует больше к чувствам. Но благодаря этому настроению, созданные широкой

пропагандой, более стабильны. Чтобы переменить их, нужно больше времени. Бывает так, что государственные деятели, руководящие судьбами своей страны, успели уже придти к новым планам и к новым идеям, а массы не еще находятся под обаянием старых идей и их приходится медленно и постепенно поворачивать на новую дорогу, соответственно новым планам государственных руководителей.

Свою новую позицию по отношению к Германии Англия в основном определила уже в 1870 – 1871 гг. В связи с ростом экономического значения Америки, а также в связи с ростом политического влияния России, Англия несколько раз обнаруживала колебания в вопросе о своем отношении к Германии. Но Германия, к сожалению, не сумела использовать этих моментов, и ввиду этого враждебная позиция Англии по отношению к нам все больше укреплялась.

Англия стала видеть в Германии ту державу, которая вследствие своей чрезвычайно быстрой индустриализации приобретала такое большое торговое и общеполитическое значение, что она начала уже меряться силами с самой Великобританией. Германские государственные деятели видели перл мудрости в своей пресловутой идее "мирного хозяйственного" завоевания влияния. Но в глазах английских политиков эти планы германской политики являлись доводом в пользу необходимости организовать как можно более сильное сопротивление Германии. Это английское сопротивление вскоре, разумеется, приняло форму всестороннего наступления, ибо Англия никогда не видела цели своей политики в сохранении сомнительного мира, а всегда видела свою цель исключительно в том, чтобы укрепить и упрочить свое собственное британское мировое господство. Разумеется, Англия стала далее думать о том, чтобы использовать в борьбе против Германии абсолютно всех возможных союзников, какие только могли в военном отношении пригодиться для этой цели. Это тоже соответствовало старой английской традиции – трезво оценивать силы противника и не делать себе иллюзий насчет собственных сил. Эти свойства английской политики у нас характеризовали, как "бесстыдные"; но это просто неумно уже по той простой причине, что организацию любой войны следует рассматривать только под углом зрения целесообразности, а не под углом зрения героических фраз. *Задача дипломатии любой страны заключается не в том, чтобы самым героическим образом привести свой народ к гибели, а в том, чтобы обеспечить дальнейшее существование своему народу, пусть самым прозаическими средствами. С этой точки зрения целесообразно каждое средство, которое ведет к цели. Упустить хотя бы одно из таких средств означает забвение своего дома и преступление по отношению к собственному народу.*

Лишь с победой ноябрьской революции в Германии Англия могла вполне спокойно вздохнуть и сказать себе, что теперь опасность германской гегемонии в мире исчезла надолго.

Однако Англия вовсе не заинтересована в том, чтобы Германия совершенно исчезла с географической карты Европы. Напротив, как раз

ужасное крушение Германии, пережитое ею в ноябрьские дни 1918 г., создало для британской дипломатии совершенно новую ситуацию, которую раньше никто не считал правдоподобной.

В течение четырех с половиной лет британская мировая империя вела войну против мнимого перевеса одной определенной колониальной державы, т. е. Германии. И вот внезапно разражается катастрофа, которая угрожает вообще стереть с лица земли эту державу. Германия внезапно обнаруживает такой ужасающий недостаток самого элементарного инстинкта самосохранения, что в течение каких-нибудь 48 часов все европейское равновесие нарушено. Совершенно неожиданно создается новое положение: *Германия уничтожена, и самой сильной континентальной державой Европы становится Франция.*

Но Англия в течение многих лет, особенно в годы войны, провела огромную пропаганду среди своего собственного населения и разбудила в нем все инстинкты и страсти против Германии. Теперь эти созданные английской пропагандой настроения ощущались уже британскими государственными деятелями, как некая свинцовая гиря. Уничтожив Германию как колониальную державу, как государство, претендующее на мировую роль в торговле, Англия могла считать, что она своих целей в войне, в сущности говоря, уже достигла. Все, что шло дальше этого, — шло уже вразрез с британскими интересами. Полное уничтожение Германии как крупного государства на европейском континенте входило только в интересы противников Англии. И тем не менее в ноябрьские дни 1918 г. и вплоть до конца лета 1919 г. английская дипломатия не могла быстро перестроить свою политику, хотя бы уже по одному тому, что в течение длительной войны она сама вызвала в широких массах английского народа определенные чувства и создала определенные настроения. Быстро перестроить свою политику английская дипломатия не могла, во-первых, потому что ей приходилось считаться с настроениями своего собственного народа, а во-вторых, потому что этого не позволяло и соотношение чисто военных факторов по окончании войны. Франция захватила инициативу в свои собственные руки и могла теперь диктовать свою волю другим. Сама же Германия, которая в эти месяцы, когда чаша весов колебалась, могла бы многое изменить, переживала судороги внутренней гражданской войны и устами своих так называемых государственных деятелей систематически заявляла только одно, а именно, что она неизменно готова подчиниться любым условиям, какие продиктует противник,

Так всегда будет. Если та или другая нация совершенно потеряла инстинкт самосохранения и не в состоянии уже играть роль "активного" союзника, то она непременно падет до роли раба и данная страна неизбежно испытает судьбу колонии.

Англии ничего другого не оставалось, как принять участие в грабежах Франции, хотя бы уже для одного того, чтобы не дать Франции чрезмерно укрепиться за наш счет. Это была единственная тактика, которая вообще была возможна для Англии в данной обстановке.

В действительности Англия не достигла тех целей, которые она ставила себе в войне. Ей не удалось добиться такого положения, чтобы ни одно из европейских государств не поднялось выше определенного уровня. Напротив, теперь такая опасность для Англии стала еще более реальной, лишь с той разницей, что этим государством является не Германия, а Франция.

Германия как военная держава до 1914 г. находилась в окружении двух стран, из которых одна была столь же сильна, а другая обладала еще большей силой, нежели Германия; кроме всего этого Германии еще приходилось считаться с преобладанием морских сил Англии. Уже одних сил России и Франции было достаточно, чтобы помешать слишком большому распространению влияния Германии. Далее надо учесть еще достаточно неблагоприятное военно-географическое положение Германии; на это Англия тоже могла делать известную скидку, ибо плохое военно-географическое положение очень мешало росту военного могущества Германии. Морское побережье с военной точки зрения представляло для Германии особенно большие неудобства, ибо берега ее были слишком узки и малы; что же касается сухопутных границ, то они были слишком открыты, а сухопутные фронты слишком обширны.

Совсем иное нынешнее положение Франции. Франция является самой могущественной военной державой на континенте, где она не имеет теперь ни одного сколько-нибудь серьезного соперника. Ее южные границы представляют собою как бы естественную защиту против Испании и Италии. Против Германии Франция сейчас достаточно защищена тем, что мы сами совершенно бессильны. Линия французского побережья такова, что Франция всегда может на длинном участке фронта угрожать самым важным нервным узлам Великобритании. Эти крупные английские центры представляют сейчас очень хорошие мишени как для французского флота, так и для французской дальнебойной артиллерии. Подводная война со стороны Франции могла бы также стать чрезвычайно опасной для всех важнейших путей английской торговли. Если бы Франция, опираясь на протяженность своего атлантического побережья и на не менее обширные французские части Средиземного моря, начала подводную войну, то ее подводные лодки могли бы нанести Англии величайший ущерб.

Что же получилось на деле? Англия ставила себе целью не допустить чрезмерного усиления Германии и получила на деле французскую гегемонию на европейском континенте. Таков общеполитический итог. Результаты войны в чисто военном отношении: укрепление Франции как первой державы на суше и признание за Америкой прав на такие же морские вооружения, какие имеет сама Англия. *Экономические итоги войны для Англии: ряд территорий, в которых великобританское хозяйство чрезвычайно заинтересовано, стали достоянием бывших союзников.*

Английская традиционная политика требовала и требует известной балканизации Европы; интересы же современной Франции требуют известной балканизации Германии.

Желание Англии было и остается - не допустить, чтобы какая бы то ни было европейская континентальная держава выросла в мировой фактор, для чего Англии необходимо, чтобы силы отдельных европейских государств уравнивали друг друга. В этом Англия видит предпосылку своей собственной мировой гегемонии.

Желание Франции было и остается - не допустить, чтобы Германия стала действительно единым государством с единым крепким руководством, для чего она систематически поддерживает идею превращения Германии в конгломерат мелких и мельчайших государств, чьи силы взаимно уравнивают друг друга. И все это - при сохранении левого берега Рейна в своих руках. В такой системе Франция видит главную предпосылку своей собственной гегемонии в Европе.

Цели французской дипломатии в последнем счете идут вразрез с целями и тенденциями британского государственного искусства.

Занятие: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «БАЛАНСА СИЛ» В ЕВРОПЕ ДЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1930-х гг.

Источник текста:

Михайлова Е.Е. Проблема «баланса сил» и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе /1937 – 1941 гг./ Дис...к.и.н. 07.00.03. – Н.Новгород, 2003. – 205 с. С. 39 – 58.

Германия

В 1933 году к власти в Германии приходят нацисты. Главный идеолог их внешнеполитической программы был Адольф Гитлер. Лозунги и требования фюрера стали понятны и желанны не только простому народу, но и крупным представителям германской промышленности.

Его идеи во многом основаны на теориях Пангерманского союза. Гитлера называют «великим кампелятором», т. к. в своём труде «Майн кампф» он изложил идеи немецких философов о Германии и её месте в мире. Он провозгласил идею мирового господства, говорил о необходимости расширения «жизненного пространства» для Германии, пропагандировал реваншистские идеи. Эта книга была издана в том числе и в Англии¹.

Что касается экономического развития, то Германия усиливается не без помощи Англии в период 1920-1930 гг. Со британской стороны это было продиктовано тем, что после Первой мировой войны Англия потеряла в лице Германии важного торгового партнёра, а так же военно-политического противовеса Франции. Нужно было внести изменения в такую ситуацию.

Но уже к 1938 г. Германия вышла по промышленному производству на первое место в Европе и второе место в мире. Германия начала теснить Англию на многих рынках мира. Дальнейшее развитие требовало для неё новых рынков сбыта и источников сырья².

Об этих проблемах и перспективах своей политики Гитлер говорил ещё 28 февраля 1934 г., выступая перед высшими офицерами рейхсвера. Он обратил их внимание на серьёзные трудности в экономике страны. По его мнению, облегчение положения возможно только в том случае, если для избыточного населения будет завоёвано новое «жизненное пространство». Поскольку западные державы вряд ли отнесутся к этому безучастно, то могут «потребоваться быстрые и решительные удары сначала на Западе, а затем на Востоке».

Эти экспансионистские устремления немцев, таким образом, были сопряжены для Британии с опасностью обострения англо-германских колониальных противоречий и войны на Западе.

Захват Англией большей части германских колоний после Первой мировой

---

¹ Гитлер А. Моя борьба. – М.: Витязь, 2000. - 598 с.

¹ Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918-1939 годы. М.: Иностранная литература, 1945. С.60.

войны руководство нацистской партии расценивало как «невосполнимую утрату». Фашистскими геополитиками рейх был объявлен естественным наследником британской и французской империй. Одной из целей немецкой «миссии» провозглашалось распространение «нового порядка» на Запад и Восток Европы, равно как и на колониальные территории.³ Понимая необходимость доступа к источникам сырья и рынкам сбыта для Германии, ни Англия, ни Франция в то же время не желали отдавать свои колонии. Что характерно, опрос общественного мнения в Англии в октябре 1938 г. показал, что за возвращение Германии колоний высказались только 15%, против - 85%. (Среди них 57% поддержали правительственную политику умиротворения). Возникает вопрос за чей счёт умиротворять?

Гитлер свои планы желал реализовать военными методами. К середине 1930 – х гг. была разработана так называемая «блоковая стратегия» Германии, которая включала:

1. Объединение германских народов – в Австрии, Судетах Чехословакии и т. д. Т.о. будет создана арийская армия Германии.
2. Завоевание западных государств и их колоний. Это подготовит экономическую базу для дальнейших действий.
3. Далее должен был последовать «натиск на Восток».
4. Последний этап на пути к мировому господству – завоевание Северной и Южной Америки.

В Форин Оффисе (английском министерстве иностранных дел) были осведомлены об этой программе и знали, что программа германской экспансии предполагала не только завоевание на Востоке, но и распространение своего влияния на западные государства и их колонии. В частности, в меморандуме секретаря английского министерства иностранных дел Р. Ванситтарта (второе лицо в министерстве) от 4 октября 1933 г. характеризовалась гитлеровская программа экспансии. Отмечалось, что Гитлер может пойти не только на Восток, но и на Запад. Его основной вывод был таким: Германия через несколько лет будет представлять непосредственную угрозу Британии.⁴

Гитлер в своей внешней политике стал реализовывать эту программу.

Уже с середины 1930-х гг. германское руководство приступило к силовым методам борьбы, нарушая статьи Версальского соглашения.

- январь 1935 г. – Саарская область присоединена к Германии.

- 9 марта 1935 г. Германия объявила о создании своих ВВС. Со стороны Англии и Франции протеста не последовало.

- 7 марта 1936 г. Германия заняла Рейнскую зону, что было ей запрещено по Версальскому соглашению.

- В августе 1936 г. Германия развязала интервенцию в Испании.

- 25 октября 1936 г. была создана ось Берлин – Рим. 25 ноября 1936 г.: Токио – Берлин. 6 ноября 1937 г. возник «Антикоминтерновский пакт», который, по мнению британских экспертов, был направлен не столько против

³ Rauschnig H. Hitler's Aims in War and Peace. - L., Toronto: W. Heinemann, Ltd., 1940. P. 27.

⁴ Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Second Series. Vol. XVIII. P. X.; N.485. P. 738.

СССР, сколько против Англии и Франции.

Военные расходы Германии возросли с 1932 по 1936 г. с 2 до 21% национального дохода, а к началу войны в Германии на военные цели затрачивалось уже **58%** государственного бюджета. В Англии же в это время объем затрат на вооружение по отношению к общей продукции был по данным Лиги Наций всего около 6% довоенной народнохозяйственной продукции.

Таким образом, Германия под властью Гитлера постепенно превращалась в военный лагерь. По оценкам британских экспертов, которые приводит У. Черчилль в своих мемуарах, у этого режима было 2 перспективы: либо война, либо финансовый крах.

С 1 октября 1936 г. фюрером был введен в действие «четырёхлетний план», согласно которому: «1) через четыре года Германия должна иметь боеспособную армию; 2) через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне». Гонка вооружений шла под лозунгами: «Пушки вместо масла!».

Осуществить намеченную программу завоеваний предполагалось не позже периода с 1943 по 1945 гг. Уже в ноябре 1937 г. Гитлер, оценивая силы немецкого государства на совещании политических и военных руководителей, говорил, что «вооружение армии, военно-морского флота и ВВС, а также формирование офицерского корпуса в общих чертах закончено». По его словам материально-техническое оснащение и вооружение являлись современными и «если продолжать ждать, то имеется опасность, что они устареют». Проводилась мысль, что Германия должна осуществить свои намерения вооруженным путем, причем, не позже периода с 1943 по 1945 год, так как после этого срока «можно ожидать лишь изменения обстановки не в нашу пользу».

Таким образом, за шесть предвоенных лет рейхсвер из небольшой профессиональной сухопутной армии, которой по Версальскому договору запрещалось иметь танки, тяжёлую артиллерию, самолёты, противотанковые орудия, «превратился в самую сильную армию капиталистического мира». С середины 1930-х годов нацистская Германия переходит к силовым методам борьбы. В конце 1930-х Гитлером ставится вопрос о недопустимости промедления с осуществлением программы экспансии.

Британский комитет начальников штабов в середине 1936 г. подтвердил, что Германия, Италия и Япония являются странами – потенциальными агрессорами. Причём наибольшую опасность представляла Германия.

Другими словами, Германия при нацистском режиме с масштабно растущими вооружениями рассматривалась как потенциальный агрессор и «претендент на роль властелина» в Европе. За ревизию существующей системы на стороне Германии могли выступить Италия и Япония.

США

Несмотря на то, что в дальнейшем возобладает убеждение, что международное будущее Британии в «особых отношениях» с Соединёнными Штатами, до войны было характерно иное настроение.

Н. Чемберлен, анализируя положение своей страны перед войной, отмечал, что «Британия очень богатая и очень уязвимая империя», не имеющая надёжных союзников. В отношении США он считал, что «гораздо лучше и безопаснее ничего кроме слов не ждать» от них. Сходные мысли звучат и у У. Черчилля: «Америка держалась в стороне и лишь желала всем добра»⁵.

Демократические ценности сближали США с Великобританией. В то же время в Америке возобладала линия «изоляционистов» над интернационалистами. Это позиция невмешательства в дела Европы (в том числе военного невмешательства).

Это не значит, что американцам не было дела до Европы. После Первой мировой войны США как потенциальная сверхдержава боролась за лидерство, и могла изменить статус-кво в свою пользу. Причём ослабление Европы было бы благоприятным условием для реализации этой задачи.

На путь борьбы за рынки США встали уже с конца XIX в. и эта борьба становилась всё более жёсткой. В этом деле Британская империя мешала Соединённым Штатам. Их противоречия выходят на первый план перед Второй мировой войной.

С точки зрения военной безопасности США германские планы мирового господства не должны были перерасти в мировую угрозу. Эта проблема должна была остаться в рамках Европы. В этой связи англичане понимали, что Британская империя – первая линия обороны Америки.

Американцы разработали так называемую «периферийную стратегию», согласно которой предполагалось 1) наносить удары по противнику на перифериях военных действий (с помощью ВМФ) 2) вступление в европейскую войну предполагалось на завершающем этапе⁶. Этой стратегии американцы и придерживались в ходе войны.

---

⁵ Chamberlain N. The Struggle fo Peace. - L.: William Brendon & Son, Ltd.1939. P. 433, 164 – 165.; Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х книгах. Кн. 1. Т. I-II. - М.: Воениздат, 1991. – 592 с. С. 98 -126.

⁶ История второй мировой войны 1939-1945. В 12 томах / Под ред. А.А. Гречко. - Т. 2. Накануне войны. - М.: Изд. министерства обороны СССР, 1974. 477 с.

Франция

Западная демократия – Франция, как и Англия, из принципа самосохранения была за поддержание послевоенного статус-кво, при котором было возможно сохранение империи. Подобно Англии, она была с одной стороны «сильно настроена против войны», и, как и Англия, была заинтересована в том, чтобы «не допустить накаливания» в отношениях с Германией⁷.

В 1930-е гг. характерно замедление темпов экономического развития Франции. Сказывалась и конкуренция Германии.

Чувствуя опасность со стороны усиливающейся Германии, французы разработали оборонительную доктрину⁸. В то же время они сталкивались «с серьёзными трудностями при подготовке своей обороны». Французская армия по оценкам Черчилля на 1936-1937 год оставалась «сильнейшей в Европе». Но уже через два года ситуация должна была измениться в пользу Германии. И изменилась.

Франция пыталась обеспечить собственную безопасность на международной арене. В 1920 – 30е гг. была создана французская система безопасности: союз государств против Германии с участием СССР. Но действия французской стороны по возрождению союза с Россией английским правительством воспринимались враждебно. Великобритания объясняла это нежеланием быть втянутой в вооружённый конфликт. Сотрудник британского МИДа О. Саргент в записке от 1 апреля 1935 года, приводя аргументы против данного соглашения, говорил, что надо сделать всё, «что в наших силах, для предотвращения прямого франко-русского военного союза, направленного против Германии».

Англия настаивает на разрушении французской системы безопасности. Альтернативой ей станет мюнхенская система 1938 года – модель, предложенная британским руководством.

Таким образом, англичане вряд ли рассматривали Францию как военно-политический противовес Германии.

---

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х книгах. Кн. 1. Т. I-II. - М.: Воениздат, 1991. – 592 с. С. 98 -126.

⁸ История второй мировой войны 1939-1945. В 12 томах / Под ред. А.А. Гречко. - Т. 2. Накануне войны. - М.: Изд. министерства обороны СССР, 1974. 477 с.

СССР

Выпадение России из системы капитализма лишало Англию одного из наиболее крупных внешних рынков. Английский капитал играл большую роль в важнейших отраслях добывающей промышленности дореволюционной России – горнорудной, угледобывающей, добыче золота, нефтяной и ряде других. Ощутимой была и утрата России как рынка сбыта английских промышленных товаров, а так же как источника сырьевого и продовольственного импорта⁹.

Вместе с тем, вызвали опасения западных государств темпы роста экономики и потенциальные возможности Советского Союза. К началу Второй мировой войны он вышел на первое место в мире по темпам экономического роста. Трудно определить какими могли быть последствия столь резкого подъёма и бурного развития.

Английские историки Р. Овери и Э. Уиткрофт в своей книге «Дорога к войне» приводят данные, что к 1928 г. советское промышленное производство достигло уровня 1913г., а к 1932 г. по советским оценкам удвоилось. При этом они отмечают, что даже самые консервативные западные наблюдатели признавали, что, по крайней мере, 2/3 советских утверждений были правдой. Преимущество отдавалось отраслям, которые напрямую укрепляли военный потенциал. В то же время авторы считают, что Советский Союз был заинтересован в сохранении мира. Его «дорога к войне» была вынужденной. Хотя пятилетние планы дали очень мало для повышения жизненного уровня населения, зато превратили СССР за 10 лет во «вторую по величине индустриальную державу» и заложили основы превращения его в супердержаву¹⁰.

Можно предположить, что равноправный союз, предполагавший развитие экономического сотрудничества с таким государством мог ускорить его усиление, что вряд ли отвечало интересам западных держав. К тому же Англия, рассматривающая российский рынок как сферу сбыта своих товаров, по всей видимости, не могла приветствовать развитие советской промышленности. Англия не стремилась к укреплению экономического сотрудничества с СССР, несмотря на то, что «советское правительство не скрывало своей заинтересованности в торговле с Англией». СССР нуждался в закупке машин, оборудования и т.д. Тем не менее, в предвоенные годы прослеживается тенденция к снижению торговых отношений между ними.

Это подтверждают данные советской внешней торговли.

Удельный вес отдельных стран в товарообороте СССР (в процентах)¹¹

⁹ Экономическая история зарубежных стран. / Под ред. В.И. Голубовича. Минск: Интерпрессервис; Эксперспектива, 2002. – 592 с. С. 340.

¹⁰ Overy R., Wheatcroft A. The Road to War. - L.: Macmillan, 1989. – XIII, 364 p. P. 193, 216 - 220.

¹¹ Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918-1966. - М.: Международные отношения, 1967. – XIV, 242 с. С. 14.

Страны	1918	1920	1925/26	1930	1933	1938	1939	1940
Великобритания	12,4	19,9	24,0	17,2	13,9	19,6	15,5	0,5
Германия	0,9	21,2	19,7	21,8	27,7	5,5	7,4	40,4
США	13,3	3,4	10,5	14,6	3,6	17,8	24,3	19,7
Франция	1,7	0,4	4,1	3,5	3,3	3,2	2,7	0,1
Япония	-	-	1,0	1,6	1,9	0,8	0,2	0,2

Западные державы не оказывали СССР действенной помощи в развитии его экономики. В то же время он усиленно развивается, показывая, что обладает внутренними потенциальными возможностями для дальнейшего укрепления. Эту мысль подтверждает вывод в статье английского журнала «Стейтист» в июле 1937 года: «В свое время общим предположением экономистов вне СССР было то, что Советы будут не в состоянии осуществить большую программу реконструкции без долгосрочных иностранных кредитов или займов. Однако в действительности широкий рост капитальных накоплений в СССР в течение истекшего десятилетия дал советскому правительству возможность финансировать колоссальную строительную компанию без сколько-нибудь существенной помощи из-за границы...».

Сидней и Беатрисса Вебб – представители социал-демократического направления Англии писали, что при таком развитии СССР демонстрирует миру более эффективную модель развития. При этом необходимость в мировой революции отмирает. Скорее население западных стран сознательно захочет подражать Советам. Либо произойдет экономическое вытеснение Советами капиталистической системы.

Осложняла англо-советские отношения нестабильность обстановки в восточных британских колониях, что было связано в частности с национальными движениями в этих странах. СССР, в свою очередь стремился оказать поддержку данным выступлениям.

Что касается разницы в политических системах, следует отметить, что СССР многими западными политиками рассматривался как потенциальная сверхдержава – а значит – потенциальная угроза существующему политическому равновесию. Социалистический строй вызывал неприязнь. Хотя по английским оценкам для России вообще характерен «самовластный режим и смиренное отношение к нему народа». В последующем А. Тойнби об этом будет писать то, что большинство людей на Западе считали тиранию невыносимым социальным злом и чувствовали «отвращение к ней в её российской форме будь она названа царизмом или коммунизмом»¹². В то же

¹² Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: «Прогресс» - «Культура», СПб: «Ювента», 1996. – 480 с. С. 158 – 159.

время Германия воспринималась многими английскими политиками как более цивилизованная страна, чем Россия, с которой можно договориться о приемлемых формах сотрудничества в рамках закона. Гендерсон, направленный послом в Берлин в своём меморандуме подчеркнул, что «немцы, безусловно, более цивилизованны, чем славяне». По его мнению «Восточная Европа явно не является ещё окончательно на все времена устроенной».

Советский Союз был страной с враждебной для запада идеологией. Призывы к коммунистическому строительству, открыто провозглашавшаяся идея пролетарского интернационализма как важного принципа советской внешней политики, были неприемлемы для западных держав. Рассмотрение коммунистической идеологии как проблемы для западных государств ярко показано в трудах А.Д. Тойнби. По его мнению, коммунистическая идеология стала новым оружием в «хроническом» противостоянии России западной цивилизации.

Он рассматривает коммунизм как «западную ересь», «оружие западного происхождения», обретя которое советское государство получило возможность «перенести борьбу против Запада в духовной сфере на территорию противника». И так как эта пропаганда «может тронуть совестливые западные души», Запад «поставлен под угрозу духовного разрушения изнутри и духовного штурма из вне». По его мнению, коммунизм, «угрожая основам Западной цивилизации на её собственной почве» показал себя «куда более эффективным антизападным оружием в руках русских, чем любые материальные вооружения». В то же время сила этой идеологии и в том, что коммунизм стал «орудием привлечения в свой стан стран китайской части света и ряда других групп того огромного большинства человечества, которое не принадлежит ни к России, ни к Западу. «Коммунизм способен с удвоенной силой привлекать угнетённые народы Азии, Африки и Латинской Америки, если эту идеологию будет им предлагать Россия». В борьбе за влияние в мире этот фактор мог определить её исход.

В то же время в военно-политическом плане СССР не являлся агрессором, а значит, не представлял военной опасности. В рассматриваемый период, по оценкам английских военных экспертов, СССР мог вести войну на два фронта, способен к эффективным оборонительным действиям, но наступательные возможности его были не велики¹³.

---

¹³ На роковом пороге (из архивных материалов 1939 г.) // Вопросы истории. 1989. №11. - С. 87 – 112.

Занятие: ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ БРИТАНСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Источник текста:

Михайлова Е.Е. Проблема «баланса сил» и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе /1937 – 1941 гг./ Дис...к.и.н. 07.00.03. – Н.Новгород, 2003. – 205 с. С. 58 – 69.

Положение Великобритании в 1930-е гг.

Результаты первой мировой войны для экономики Англии были достаточно противоречивыми. С одной стороны она одержала победу над своим главным конкурентом в Европе – Германией, расширила свои колониальные владения. Другими словами, находилась в лучшем положении, чем все её европейские соперники. С другой, она была ослаблена, понесла большие людские и материальные потери в ходе войны. Вслед за утратой промышленной монополии на рубеже веков она начинает терять и своё финансовое превосходство в мире, превратившись в должника, прежде всего американских банков. Общей тенденцией межвоенного периода становится замедление темпов экономического развития Англии.

Негативное воздействие на экономику Англии оказывали экономические кризисы, крупнейшим из которых был мировой кризис 1929-1933 гг., распространившийся на Англию к 1930 г. Особенно сильно пострадали такие отрасли как угледобыча, чёрная металлургия, судостроение, хлопчатобумажная и шерстяная промышленность. Уже с середины 1932 года в английской экономике начался процесс медленного улучшения. Это выразилось в росте промышленной продукции. Индекс промышленного производства (1929=100%), опустившийся в 1932 году до 83,5, поднялся в 1937 году до 123,6. Рост промышленной продукции происходил в основном за счет оживленного жилищного строительства и развития новых отраслей промышленности, таких как производство автомобилей, самолетов, радиоаппаратуры и т.д. Развивалась также военная промышленность. Причем, расширение военного производства в Англии явилось одной из важнейших причин, обусловивших оживление в английской промышленности¹⁴.

О росте значения военного фактора в английской промышленности говорят данные о военных расходах Англии.

*Военный бюджет Англии*¹⁵

Бюджетный год	Сумма (в млн. ф. ст.)
1935/36	136,9
1936/37	186,1
1937/38	197,3
1938/39	254,4

¹⁴ Эвентов Л.Я. Военная экономика Англии. – М.: Госполитиздат, 1946. – 280 с. С. 57.

¹⁵ Трухановский В.Г. Новейшая история Англии. – М.: Изд. социально-экономической литературы, 1958. – 592 с. С. 228.

Значительные суммы из военного бюджета шли на перевооружение. Изготавливалась новая техника и военное снаряжение. На перевооружение израсходовано: 1934г. - 37,2 млн. ф. ст., 1936г. - 60,7; 1937г. - 404,2; 1938г. - 182,2; 1939г. - 273,1. Таким образом, военные заказы послужили импульсом к расширению промышленного производства.

Размах военно-промышленного строительства к 1939г. составил около 1/3 всего строительства страны.

Мировой экономический кризис и последовавшее за ним оживление содействовали концентрации английской промышленности. Ряд английских монополий в годы кризиса подвергся реорганизации. Многие монополии значительно расширили сферу своей деятельности. Но после кратковременного оживления, в середине 1937 г. в Англии развился экономический кризис, прерванный в 1939 г. Второй мировой войной. В результате этого индекс промышленного производства (1929г.=100), составивший в 1937 г. - 123,6, упал в 1938 г. до 115,7.

В области экономики Англия продолжала отставать от других ведущих капиталистических держав. Ее перегнали США. Германии удалось преодолеть последствия поражения в первой мировой войне и восстановить свою экономику. Вперед вырвались Япония и Италия. Об экономическом отставании Англии говорят данные, характеризующие движение уровня промышленности основных капиталистических государств.

Индексы продукции обрабатывающей промышленности (1913г.=100)¹⁶

	1929г.	1937г.	1938г.
США	180,0	185,0	143,0
Германия	117,3	138,1	149,3
Англия	100,3	127,8	117,6
Франция	142,7	123,8	114,6
Италия	181,0	194,5	195,2
Япония	324,0	551,0	552,0

За время с 1913 до 1938 года доля Англии в промышленной продукции капиталистического мира сократилась с 14,8 до 11,3%. Темпы роста германской промышленности были выше, чем темпы роста промышленности Англии и Франции. Первое место по темпам роста принадлежало Японии. Аналогичная ситуация сложилась и в области внешней торговли, где Англия уступала свои позиции США, Германии и Японии, доля которых в мировой торговле увеличилась¹⁷.

Англия отставала и в области производительности труда. Накануне

¹⁶ Трухановский В. Г. Новейшая история Англии... С. 230.

¹⁷ Внешняя торговля капиталистических стран. / Под ред. Ф.Г. Пископеля, И.С. Потапова. – М.: Внешторгизд, 1963. С. 70 – 80;

Второй мировой войны она удовлетворяла за счёт своей сельскохозяйственной продукции лишь около 30% потребности страны в продовольствии.

В свете перечисленных затруднений английской экономики особое значение приобретает колониальная проблема. Экономическая и военно-политическая мощь Великобритании могла опираться на “динамичную и конкурентоспособную обрабатывающую индустрию”, важнейшим источником развития которой служила “обширная колониальная империя”¹⁸. К тому же зависимость Англии от импорта сельскохозяйственных товаров, влияло на заинтересованность в сохранении имперских связей. Английский историк Х. Пеллинг в своей работе отмечает, что в сложившихся условиях возрастающую роль для Великобритании стала приобретать торговля между метрополией, доминионами и колониями. Она сделалась в предвоенные годы, по его мнению, доминирующим элементом, благодаря которому в значительной мере были спасены от полного краха и экономика Великобритании в целом, и особенно её экспортные отрасли. Великобритания стала жить «империей и для империи».¹⁹ Это было обусловлено не только экономическими причинами. Английское правительство не могло допустить отпадения колоний, которые были жизненно важны как с экономической, так и с политической точки зрения, придавая Великобритании вес на международной арене.

Но, несмотря на жизненную заинтересованность сохранения имперских связей для английского правительства, в межвоенный период характерно обострение противоречий метрополии с доминионами и колониями, что было связано с изменением экономических отношений между ними. Начало этому процессу положила Первая мировая война, которая в силу спроса на военную продукцию со стороны европейских участников конфликта оказала благоприятное воздействие на развитие промышленности и сельского хозяйства ряда колоний и доминионов, способствовала накоплению капитала, что привело к усилению их самостоятельности. В дальнейшем важной причиной ослабления позиций Англии в качестве торгового центра империи была конкуренция других стран на рынках британской империи.²⁰ Англию вытесняли США, Япония, Германия. Особенно усиливалось внешнее проникновение в Индию, Канаду, Южно-Африканский союз. В свою очередь, возросшая экономическая независимость доминионов от метрополии дала толчок к центробежным движениям. Перечисленные обстоятельства показывают, что вопрос о сохранении Британской империи в межвоенный период стоял острее, чем когда либо прежде. Этот фактор и раньше определял благополучие и процветание Британии, на новом этапе сохранение империи и её экономических связей стало, по словам английского премьер-министра Болдуина, «проблемой существования Англии».

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что, несмотря на предпринимаемые усилия, в 30-е годы XX в. произошло отставание Англии от

¹⁸ Студенцов В.Б. Великобритания: государство и накопление основного капитала. – М.: Наука, 1987. С. 6.

¹⁹ Pelling H. Modern Britain 1885-1955. - L.: Cardinal, 1974. P. 120.

²⁰ Coghlan F. Armaments, Economic Policy and Appeasement. / History. - 1972. Vol. 57. N. 190.

других развитых государств, ослабление имперских связей. В то же время несмотря на общее ослабление своих позиций она смогла сохранить перед Второй мировой войной положение одной из самых крупных держав мира, за которой всё ещё сохранялись важнейшие рынки приложения капитала. Англия удерживала сырьевую монополию по таким важным видам сырья, как натуральный каучук и отдельные виды цветных металлов, обладала крупными активами в нефтяных районах и другими источниками сырья. Даже утратив прежнюю роль главного центра мировой капиталистической торговли, Великобритания оставалась крупнейшим мировым экспортёром и импортёром. Английские товарные биржи занимали монопольное положение или разделяли его с немногими биржами других капиталистических стран. Фунт стерлинга продолжал выполнять роль международных денег. Для поддержания стабильности необходимо было сохранить колонии.

Особое значение при выработке программы обороны Британской империи имело её географическое положение. С одной стороны, метрополия расположена на островах, находящихся на западном побережье Европы. Моря и проливы, омывающие её, представляют собой серьёзное естественное препятствие на пути внешних врагов. С другой – необъятная империя, разбросанная по всей планете, являлась основным источником продовольствия и сырья, а так же рынком сбыта промышленной продукции. «Закон самосохранения» требует, чтобы этот остров снабжался продовольствием и чтобы коммуникации с его заморской империей оставались неприкосновенны.

С развитием авиации островное положение уже не являлось непреодолимой преградой. Более того, географическое положение столицы и концентрация населения и промышленности в крупных городских центрах делали английскую метрополию очень уязвимой для вражеских атак с воздуха. У. Черчилль говорил об этом: «Для врага мы лёгкая и богатая добыча». Он считал, что Англия с огромной столицей, «этой величайшей мишенью в мире, напоминающей как бы огромную, жирную, дорогую корову, привязанную для приманки хищников», находится в таком положении, в каком «никогда не была в прошлом и в каком ни одна другая страна не находится в настоящее время»²¹. Таким образом, задача обеспечения собственной безопасности выдвигается на первый план.

В обеспечении задач имперской обороны должны были участвовать все страны, входившие в состав империи. В мирное время Британская империя не имела единой армии, флота и военно-воздушных сил. Английские гарнизоны находились в наиболее важных стратегических пунктах и базах, все остальные территории содержали собственные вооружённые силы, для противодействия угрозе внешнего вторжения или внутреннего волнения. В случае же большой войны в ней должны были участвовать вооружённые силы всех колоний и доминионов²².

²¹ Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х книгах. Кн. 1. Т. I-II. - М.: Воениздат, 1991. – 592 с. С. 65.

²² История второй мировой войны 1939-1945. В 12 томах / Под ред. А.А. Гречко. - Т. 2. Накануне войны. - М.: Изд. министерства обороны СССР, 1974. 477 с. С. 390.

Исходя из английской военной доктрины, основное внимание уделялось строительству флота и военно-воздушных сил.

Великобритания готовилась, прежде всего, к войне на море. Ставка делалась на сооружение крупных надводных кораблей. Возможную угрозу со стороны немецких подводных лодок английское военное руководство надеялось преодолеть с помощью новых средств их обнаружения, внедрявшихся на британских кораблях.

Авиация рассматривалась как стратегическое средство ведения войны. С 1923 г. в Англии была принята наступательная доктрина «воздушного устрашения». Предполагалась возможность разрушения воздушными бомбардировками политических и промышленных центров противника и тем самым подрыва его военно-экономического потенциала. Однако в 1937 г., когда министерство авиации приступило к планированию боевых действий против Германии, выяснилась невозможность осуществления данной концепции. Английские самолёты того времени не могли достичь не только Берлина, но даже ближайшей германской границы.

«Воздушная доктрина» была пересмотрена и в конце 30-х годов XX в. началось перевооружение и реорганизация военно-воздушных сил. С 1938 г. ВВС стали считаться первым по значению видом вооруженных сил. Им была поручена и оборона страны с воздуха. В ноябре 1938 г. в Великобритании был утверждён план «М», по которому в метрополии предполагалось иметь в ближайшие годы 163 эскадрильи (2549 боевых самолётов первой линии), а на заморских базах – 49 эскадрилий (636 самолётов). Однако полностью данный план выполнить не удалось. К началу Второй мировой войны в метрополии имелось 78 эскадрилий (1456 боевых самолётов), 2 тыс. машин находилось в резерве. В заморских ВВС было 34 эскадрильи (435 самолётов), из которых 19 эскадрилий базировалось на Среднем Востоке, 7 в Индии и 8 в Малайе. К тому же к сентябрю 1939 г. штаб ВВС не имел ни точных оперативных оценок соотношения сил, ни законченного плана действий авиации в предстоящем военном конфликте. По численности и подготовке лётного состава английская авиация отчасти уступала немецкой.

До сентября 1939 г. роль сухопутных войск в английской военной доктрине никогда по-настоящему не определялась. Они являлись главным средством в колониальных войнах. Их применение в возможных военных действиях в Европе сводилась к участию в боях одной или двух дивизий. (Это при том, что Германия имела 98 дивизий²³). В то же время коренной реорганизации подверглась территориальная армия, на которую возлагалась также задача противовоздушной обороны метрополии. 29 марта 1939 г. английское правительство решило увеличить количество территориальных дивизий с 13 до 26, в результате чего общее количество дивизий сухопутных войск возросло до 32 (из них 6 регулярных).

---

²³ Лиддел Гард. Вторая мировая война / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. - М.: Изд. АСТ, 1999. С. 37.

В целом, «несмотря на многие упущения и недостатки в организации и оснащении своих вооружённых сил», Англия «располагала к началу войны крупными военно-морскими и военно-воздушными силами и некоторым количеством сухопутных войск в метрополии, достаточными резервами в империи», что позволяло ей вместе с Францией и Польшей «успешно вести вооружённую борьбу» против Германии, которая в 1939 г., по мнению Л. Гарта, была не готова к войне²⁴.

В 1930-е гг. для населения Англии характерны пацифистские настроения. Поколение, пережившее Первую мировую войну не желало воевать вновь. Правящие круги не могли не учитывать эти настроения. С другой стороны, как отмечает У. Черчилль, критикуя политику «умиротворения», на общественное мнение политическая элита может влиять. По его убеждению англичане, предупрежденные о германской угрозе, поддержали бы правительство, готовящееся к войне, так как он не знает случаев в истории своей страны, когда бы английский народ в преддверии войны выступил против военных приготовлений.

---

²⁴ История второй мировой войны... Т. 2. С. 406; Гарт Л. Ук. соч. С. 38.

Занятие: ВСТРЕЧА ГИТЛЕРА – ГАЛИФАКСА 1937 г. КАК ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ В ПОЛИТИКЕ УМИРОТВОРЕНИЯ

Источник текста:

Запись беседы А. Гитлера с лордом-председателем совета Великобритании Э. Галифаксом. 19 ноября 1937 г./ Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937-1939. Сборник материалов в 2-х томах / Под ред. А.П. Бондаренко, И.Н. Земскова и др. Т. 1. - Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. – М.: Политиздат, 1981. 302 с. С. 35 – 46.

Запись беседы А. Гитлера с лордом-председателем совета Великобритании Э. Галифаксом. 19 ноября 1937 г.

Лорд Галифакс, начиная разговор, подчеркнул, что он приветствует возможность достижения путем личного объяснения с фюрером лучшего взаимопонимания между Англией и Германией. Это имело бы величайшее значение не только для обеих стран, но и для всей европейской цивилизации. Перед своим отъездом из Англии он разговаривал об этом визите с премьер-министром и английским министром иностранных дел, и они были абсолютно согласны в определении его цели. Дело теперь за выяснением каким образом можно создать возможность всестороннего и откровенного обсуждения всех вопросов, интересующих обе страны. В Англии придерживаются мнения, что имеющиеся в настоящее время недоразумения могут быть полностью устранены. Целиком и полностью признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии, и если английское общественное мнение занимает иногда критическую позицию по отношению к известным германским проблемам, то это отчасти объясняется тем, что в Англии не полностью осведомлены о мотивах и обстановке известных германских мероприятий. Так, английская церковь, с глубокой озабоченностью и беспокойством следит за развитием церковного вопроса в Германии. В кругах рабочей партии также критически относятся к известным вещам в Германии. Несмотря на эти трудности, он (лорд Галифакс) и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что и результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма. Английский премьер-министр придерживается мнения, что имеется полная возможность найти решение путем открытого обмена мнениями. Решение даже трудных проблем может быть облегчено взаимным доверием. Если бы Германии и Англии удалось достигнуть согласия или хотя бы к нему приблизиться, то, по мнению англичан, было бы необходимо привлечь к обсуждению те страны, которые в политическом отношении близко стоят к Германии и Англии. Здесь имеются в виду Италия и Франция, которым с самого начала надо дать понять, что англо-германское сотрудничество ни в коем случае не означает враждебных махинаций против Италии или Франции. Не должно быть такого впечатления,

что ось Берлин — Рим или хорошие отношения между Лондоном и Парижем пострадают в результате германо-английского сближения. После того как в результате германо-английского сближения будет подготовлена почва, четыре великие западноевропейские державы должны совместно создать основу, на которой может быть установлен продолжительный мир в Европе. Ни одна из четырех держав ни в коем случае не должна остаться вне этого сотрудничества, так как в противном случае не будет положен конец теперешнему неустойчивому положению.

Фюрер ответил, что соглашение между четырьмя западноевропейскими державами ему кажется очень легким, если речь идет только о доброй воле и о любезном отношении друг к другу.

Дело усложнится, если будут подняты существенные деловые вопросы. Если хотят обеспечить сотрудничество Германии, то следует спросить, как будут рассматривать Германию другие партнеры: как государство в смысле Версальского договора⁷, — тогда вряд ли будет возможно выйти за рамки установления чисто формальных отношений между европейскими странами, — или же Германия будет рассматриваться как государство, не несущее больше на себе морального или материального клейма Версальского договора. В этом случае из изменившейся обстановки следует сделать логический вывод, ибо нельзя требовать активного сотрудничества в европейской политике от государства, за которым не признают законного права великой державы активно действовать. Трагедия состоит в том, что в Англии и Франции все еще не могут примириться с мыслью, что Германия, которая после Вестфальского мира⁸ и течение 250 лет была не более как теоретическим понятием, в последние 50 лет стала реальностью.

Задача разумного государственного руководства состоит в том, чтобы примириться с этой действительностью, если даже это, быть может, и имеет некоторые неприятные стороны. То же самое относится к Италии и в известном смысле к Японии. История создает часто реальности, которые не всегда приятны, и Германия должна была претерпеть реальность такого рода, ибо Польша не существовала, так сказать, более 150 лет и теперь снова возвращена к жизни. Он (фюрер) считает своей главной задачей воспитать германский народ так, чтобы он научился терпеть неприятные политические реальности. Поэтому зерном обсуждаемой проблемы является вопрос, что может дать в смысле активного политического сотрудничества страна, за которой в другом отношении не признаются даже самые настоятельные жизненные потребности.

Имеются две возможности оформления отношений между народами.

Игра свободных сил, которая во многих случаях означала бы активное вмешательство в жизнь народов и могла бы вызвать серьезные потрясения нашей культуры, созданной с таким трудом. Вторая возможность состоит в том, чтобы вместо игры свободных сил допустить господство «высшего разума»; при этом нужно, однако, отдать себе отчет в том, что этот высший разум должен привести примерно к таким же результатам, какие были бы произведены действием свободных сил. Он (фюрер) последний годы часто

задавал себе вопрос, достаточно ли разумно современное человечество, чтобы заменить игру свободных сил методом высшего разума.

В 1919 г. была упущена великая возможность применения этого нового метода. Тогда предпочли метод безрассудства. Тем самым Германию толкнули на путь игры свободных сил, так как это, в конце концов, было единственной возможностью обеспечить себе элементарные человеческие права. Будущее зависит от того, который из этих двух методов будет избран.

Оценивая жертвы, которых, несомненно, кое-где может потребовать метод разума, следует представить себе, каковы будут жертвы, если возвратиться к старому методу игры свободных сил. Тогда будет ясно, что первый путь дешевле второго.

Лорд Галифакс согласился с фюрером в том, что чисто формальные отношения представляют небольшую ценность и что далеко идущее сближение может быть достигнуто только тогда, когда все стороны станут исходить из одинаковых предпосылок и будет достигнуто единство взглядов. Он, со своей стороны, также убежден в том, что нечто длительное может быть создано только на реальной основе, если даже реальности, о которых идет речь, для того или иного партнера будут неприятны. Он подчеркнул, что в Англии все смотрят на Германию как на великую и суверенную страну и что переговоры с ней должны вестись только на этой основе. Англичане являются реалистами и, может быть, больше, чем другие, убеждены в том, что ошибки Версальского диктата должны быть исправлены. Англия и в прошлом всегда оказывала свое влияние в этом реалистическом смысле. Он указал на роль Англии при досрочной эвакуации Рейнской области, при разрешении репарационного вопроса, а также при реокупации Рейнской области. Следует попытаться разговаривать на одном и том же языке, избегая при этом громко говорить о слишком далеких перспективах, потому что это приводит только к недоразумениям и не облегчает решение проблемы.

С английской стороны не думают, что статус-кво должен при всех условиях оставаться в силе. Там признают, что надо приспособляться к новым условиям, исправлять старые ошибки, иметь в виду ставшее необходимым изменение существующего положения. При этом Англия будет оказывать свое влияние лишь в том направлении, чтобы эти изменения не происходили путем тех неразумных решений, о которых упоминал фюрер, а именно: путем игры свободных сил, которая в конечном счете означает войну. Он должен еще раз подчеркнуть от имени английского правительства, что не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения, но что изменения надо производить только на основе разумного урегулирования. Если обе стороны согласны с тем, что мир не статичен, то следует попытаться на основе общих идеалов отдать должное этому признанию, направив всю имеющуюся энергию на достижение общей цели в условиях взаимного доверия.

Фюрер ответил, что у него, к сожалению, создалось впечатление, что хотя и имеется желание действовать в разумном направлении, однако разумные

решения встретят на своем пути большие трудности, главным образом в демократических странах, где политические партии имеют возможность оказывать решающее влияние на действия правительства. Он сам в 1933 — 1934 гг. внес ряд практических предложений об ограничении вооружении, принятие которых дало бы Европе и миру большую экономию средств. Эти предложения отклонялись одно за другим, несмотря на то что иной государственный деятель и понимал, что Германия не будет долго оставаться в положении, установленном Версальским договором. Но так как политические партии и прежде всего безответственная пресса имели решающее влияние на решения правительства, то такие предложения, как об армии численностью в 200 тыс. и 300 тыс., об ограничении воздушных вооружений, — все были отклонены. Единственным результатом всех его усилий урегулировать эти вопросы осталось морское соглашение⁹.

Аналогичное положение существует и сейчас. Необходимые разумные решения заменены демагогическими установками политических партий. Это, естественно, является большим затруднением. В противоположность атому он указывает на хорошие отношения с Польшей, несмотря на весьма тяжелое прошлое. Германия, со своей стороны, не может ожидать от других стран ни малейших уступок в удовлетворении ее самых естественных жизненных потребностей, потому что в этих странах господствуют партии. Германия знает позицию английских партий по колониальному вопросу, и в частности абсолютно отрицательную позицию консерваторов. То же самое имеет место во Франции. Германия может эту позицию принять только к сведению и исходить из того, что при этих условиях разрешение колониальной проблемы невозможно. Следует несколько обождать. Имеются еще другие случаи, в которых решающее значение имело не политическое искусство отдельных государственных деятелей, а демагогическая позиция партий. Наглядным примером служат захват Мемельской области Литвой в 1923 г.¹⁰ и последующее отношение к германским протестам по этому вопросу. Этим объясняется то, что большинство его предложений отклонено. В демократических странах партии смотрели на него в известной мере как на белую ворону. Было достаточно одного факта, что то или иное предложение исходило от него, чтобы оно было отклонено. В настоящее время влияние партий проявляется снова в аналогичной форме. Факт, что некоторые народы имеют недостаточное жизненное пространство. Если бы Англии с ее 46-миллионным населением пришлось жить только метрополией, то ей, возможно, понять это было бы легче. Всё предубеждение и колониальном вопросе происходит от того, что считают само собой разумеющимся, что Америка и Россия располагают большими территориями, что Англия владеет четвертой частью мира, что Франция имеет колониальную империю и что Японии, по крайней мере, нельзя воспрепятствовать расширить свою территорию. Вполне понятно также, что у малых государств, как у Бельгии, Испании и Португалии, есть колонии. Одной лишь Германии заявляют, что она ни при каких условиях не может иметь колонии. Это характеризует позицию партий, которые, как,

например, консерваторы в Англии, приняли по колониальному вопросу абсолютно отрицательные решения. Какой же смысл приглашать для положительного сотрудничества страну, если у неё в некоторых вопросах отняты самые примитивные права? Критиковали поведение немцев в Восточной Азии: оно, мол, было изменой белой расе. Однако Германия дольше всех поддерживала солидарность белых в отношении других рас, а ее критиковали по поводу ее расовой политики как раз демократические страны. Теперь она не преследует никаких интересов в Восточной Азии. Она может поддерживать с той или другой страной деловые отношения. Но так как германский флаг исчез из Восточной Азии, а торговля следует за флагом, то деловые возможности так или иначе слишком невелики.

Возможности разрешения международных проблем будет трудно найти до тех пор, пока либо не поумнеют политические партии, либо не будут и ведены такие правительственные формы, которые не позволят партиям оказывать столь значительное влияние на правительства.

Фюрер в этой связи указал еще и на помехи со стороны прессы в связи с поездкой лорда Галифакса в Германию. Он не сомневается в том, что в некоторых кругах в Англии думают реалистически. Морское соглашение является доказательством этому. Однако определяющие политические факторы, как ему кажется, характеризуются иной позицией. Во всяком случае, таково его впечатление после пятилетнего пребывания в правительстве. Он знает, что любое его предложение тотчас же было бы встречено в штыки, а принимая его, каждое правительство поставило бы себя в очень трудное положение перед оппозицией.

Лорд Галифакс ответил, что если фюрер придерживается мнения, что не может быть достигнуто никакого прогресса на пути к соглашению, пока Англия является демократической страной, то дальнейшая беседа, собственно, будет излишней, ибо Англия не изменит так скоро существующую форму своего правления. Неправильно думать, что из-за влияния политических партий упускались возможности и отклонялись предложения. Это определенно неверно по отношению к Англии. Предложения отклонялись потому, что известные страны, по праву или без права, не видели в этих предложениях достаточной гарантии безопасности. Непринятие таких предложений является доказательством того принципа, что разоружение должно следовать за безопасностью, а не наоборот. То, что Англия заключила с Германией морское соглашение, несмотря на то что с партийной точки зрения кое-что вызывало критику, как раз доказывает, что английское правительство действует также независимо от партий. Оно никак не является рабом демагогических интриг партий. По мнению англичан, никакое правительство, которое достойно этого названия, не должно находиться на поводу у партий. Неправильно также то, что предложения были отклонены, потому что их делал фюрер — «белая ворона». Некоторые страны видели, как Германия нарушала договорные обязательства по соображениям, которые, возможно, казались Германии убедительными, но которые мало убедительными были для других стран. Вполне естественно

поэтому, что эти страны более критически относились к германским предложениям, чем это имело бы место в ином случае.

Английское правительство не придерживается решения ни при каких условиях не обсуждать с Германией колониального вопроса. Оно знает, что это трудная проблема. Однако ясно, что никакое английское правительство не может обсуждать изолированно с Германией колониальный вопрос. Последний может рассматриваться только как часть общего урегулирования, в результате которого будут установлены спокойствие и безопасность в Европе.

К этому обсуждению общего урегулирования должны быть, конечно, привлечены и другие заинтересованные государства. Фюрер говорил о кругах в Англии, которые враждебно относятся к визиту лорда Галифакса. И в других странах имеются такие, отрицательно настроенные круги, но, однако, это не должно отпугнуть тех, кто хочет создать лучшую политическую систему в мире.

Фюрер ответил, что лорд Галифакс неправильно понял его. Лорд Галифакс поставил конечной целью германо-английского сотрудничества соглашение между четырьмя западными державами. Среди них находится Франция, а его замечания о демагогии политических партий относились прежде всего к Франции, где они, пожалуй, на 100% верны. Англию он исключил, упомянув о морском соглашении.

По поводу несоблюдения договорных обязательств он заметил, что другие державы нарушили свои договорные обязательства раньше Германии, а Германия вернула себе свободу действий лишь после того, как были отклонены все ее предложения. Даже по мнению английских правоведов с мировыми именами, Германия имела право претендовать на разоружение других стран, после того как она сама в этой области выполнила свои обязательства по договору на 100%. Она приняла также предложение покойного премьер-министра Макдональда в отношении 200000-ной армии. Оно потерпело крах из-за Франции.

В колониальном вопросе другие страны нарушили акт о Конго¹², который запрещал перенесение войны на африканскую землю. Германия, веря в выполнение договора другими государствами, держала в Африке только незначительные войсковые контингенты.

Между Англией и Германией имеется, по существу, только одно разногласие: колониальный вопрос. Это — различие в точках зрения. Если его можно устранить, то это будет весьма отрадно; если невозможно, то он (фюрер) может лишь с прискорбием принять это к сведению. Имеется много вопросов, по которым Германия и Англия придерживаются различных взглядов. Однако при этом речь никогда не идет о вещах, которые имеют какое-либо прямое отношение к германо-английскому сотрудничеству. В колониальном вопросе с английской стороны заявляются два мнения. Английское правительство заявляет, что этот вопрос подлежит дискуссии. Партии же, и особенно консервативная партия, отклоняют все огулом. Других же затруднений между Германией и Англией нет.

Лорд Галифакс спросил фюрера, считает ли он возможным, в случае удовлетворительного разрешения спорных вопросов, для более тесного сотрудничества с другими народами вернуть Германию в Лигу наций и в какой части, по его мнению, должен быть изменен статут Лиги нации раньше, чем Германия могла бы снова в нее вступить. Несомненно, хорошие стороны Лиги наций преувеличены ее слишком восторженными приверженцами. Но все же надо признать, что Лига наций выступает за мирный метод разрешения международных затруднений. Если бы удалось этот метод осуществить на практике, то это означало бы приближение ко второй альтернативе, которую фюрер назвал выше, в противоположность игре свободных сил, «разумным методом». Если бы использовать в этом смысле Лигу наций (которая является, по существу, не чем иным, как международным методом), отдельные стороны которой можно было бы изменить, то этим путем доверие между народами было бы снова восстановлено. Поэтому он спрашивает фюрера об его отношении к Лиге наций, точно так же как об отношении к разоружению. Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны.

Колониальный вопрос, без сомнения, труден. Английский премьер-министр стоит на той точке зрения, что он может быть разрешен как часть нового курса и генерального разрешения всех трудностей. Он спрашивает фюрера, не может ли он дать ему в общих чертах представление о решении колониальной проблемы, как он его представляет себе.

Фюрер ответил на это, что, по его мнению, невхождение Германии в Лигу наций не представляет англо-германской проблемы, ибо Америка тоже не состоит в Лиге наций, и, несмотря на это, никто не может сказать, что по этой причине между Англией и Америкой имеются глубокие противоречия во взглядах. Кроме того, Лига наций, вследствие отсутствия Японии и бездеятельности Италии, не является больше действительной Лигой наций. Возвратится ли Германия когда-нибудь снова в Женеву — в настоящий момент вообще нельзя сказать. Она определенно не возвратится в рудиментарную Лигу наций, а также навряд ли войдет в такую Лигу наций, которая свою задачу видит в том, чтобы противиться естественному развитию политических событий и выступать за увековечение существующего положения.

Разрешения вопроса о разоружении раньше можно было достигнуть значительно легче, потому что тогда речь шла только об ограничении вооружений. Сейчас Англия сама вооружается в таких размерах, каких еще никогда не было в истории Англии. Готова ли Англия отказаться от своего вооружения? Он, фюрер, знает, что с английской стороны на этот вопрос ответят объяснением, что английское вооружение является лишь

наверстыванием прошлых упущений. Германия находится в таком же положении. Надо наверстать то, что было упущено в прошлом в результате слишком большой верности договору. Кроме того, он убедился, что народы оцениваются по мощи своих вооружений и что теперь вес Германии с ее вооружениями в международной жизни увеличился. Проблема разоружения стала исключительно сложной в результате союза Франции, с Россией, последовавшего в ответ на известные германские мероприятия. В результате этого Россия перенесена в Европу не только как моральный, но и как довольно весомый материальный фактор, особенно в результате союза с Чехословакией. Кто может взяться при этих условиях за вопрос о разоружении и как должно оно произойти? Поэтому он фактически не знает, как должно начаться разрешение проблемы о разоружении. Во всяком случае, он является фанатическим противником конференций, безрезультатность которых с самого начала несомненна. Он ни в коем случае не позволит государственным деятелям, которые хотели бы созывать конференции каждый квартал, убедить себя принимать участие в подобных мероприятиях. Если вообще заниматься разоружением, то надо сначала точно установить, что подлежит разоружению. При этом он сослался на свое старое предложение об отказе от бомбардировок. Поскольку колониальные державы смотрят на бомбардировщик как на хорошее средство для устранения сопротивления строптивых туземцев, они это предложение отклонили как противоречащее их интересам. В результате новейших военных опытов в различных местах мира они теперь склонны даже увеличивать число своих бомбардировщиков.

Германия вооружается и не будет жаловаться. Она будет придерживаться обязательств, вытекающих из морского соглашения, правда, с оговоркой, которая была сделана с германской стороны еще при его заключении, что Россия не будет неограниченно вооружаться на море. В этом случае необходим был бы пересмотр морского соглашения. Он, однако, не такого высокого мнения о способности русских, чтобы думать, что такой пересмотр состоится в ближайшее время.

С Чехословакией и Австрией тоже было бы разумно произвести урегулирование. С Австрией был заключен договор от 11 июля¹³, который, надо надеяться, поведет к устранению всяких трудностей. От Чехословакии зависит убрать с пути имеющиеся трудности. Она должна лишь хорошо обращаться с немцами, проживающими в ее границах, и они будут тогда вполне довольны. Для Германии самое важное — быть в хороших отношениях со всеми ее соседями.

Что касается колониального вопроса, то не дело Германии высказывать свои пожелания. Имеются две возможности; во-первых, игра свободных сил. Что именно Германия в этом случае возьмет себе из колонии, этого нельзя сказать. Второй возможностью было бы разумное решение. Разумные решения должны строиться на праве, то есть Германия может иметь притязания на свои прежние владения. Когда со всех сторон заявляют, что международный порядок следует строить не на силе, а на праве, то он, фюрер, полностью с этим

согласен. Он был бы даже рад, если бы срок, с которого этот новый порядок должен начать действовать, начался с 1914 г. При новом порядке вещей Германия оказалась бы в исключительно выгодном положении. Он повторяет, что в колониальном вопросе Германии нет надобности заявлять какие-либо пожелания, надо только лишь стать на почву права. Англия и Франция должны сами сделать предложения, если им по каким-либо причинам кажется возвращение тех или иных немецких колоний неудобным. Своими колониальными требованиями Германия не преследует великодержавных или честолюбивых военных целей. Она не имеет намерения вклиниться в какие-либо стратегические пути, а хочет колонии только по экономическим причинам для снабжении сельскохозяйственными продуктами и сырьем. Она не стремится к тому, чтобы колонии были на территории, где происходили бы военные действия и где имеется большая опасность международных осложнений. Если Англия не считает возможным, возвратить Германии определенные области по стратегическим соображениям, то она может предложить замену в других местах.

Во всяком случае Германия не возьмет в качестве колонии ни Сахару, ни территории в Средиземном море, так как положение между двумя мировыми империями ей кажется слишком опасным. Также Циндао и Киаочао слишком опасные пункты.

Рейхсминистр иностранных дел барон фон Нейрат указал в связи с вопросом о Лиге наций, что Германия после выхода из Лиги наций никогда не уклонялась от международного сотрудничества, когда в перспективе были не только слова, но и практическая работа. Примером к тому служит участие Германии в вопросе невмешательства в испанские дела.

Фюрер со своей стороны указал еще на урегулирование германо-польского и германо-австрийского вопросов и выразил надежду на то, что и с Чехословакией может быть найдено разумное решение.

Лорд Галифакс ответил на это, что он по некоторым пунктам не совсем согласен с фюрером, однако он не намеревается останавливаться на этом подробнее, потому что речь идет о вещах, которые не являются решающими в ходе настоящей беседы.

Чемберлен и английское правительство будут приветствовать, если после подробных и откровенных высказываний сегодня между представителями обоих правительств можно будет продолжать беседу по отдельным вопросам. Очень жаль, что за визитом Саймона и Идена в свое время ничего больше не последовало. И если теперь за этой беседой последуют дальнейшие переговоры, то это произведет исключительно благоприятное впечатление на общественное мнение.

Фюрер ответил, что для продолжения германо-английского контакта он прежде всего имеет в виду дипломатический путь, ибо если имеется намерение вести переговоры по конкретным вопросам, то они должны быть хорошо подготовлены. Главной причиной неудач многих подобных переговоров была недостаточная подготовка. Конференция может быть лишь последним

завершением предшествующих подготовительных переговоров. Ему ясно, что сложным вопросом является колониальная проблема, по которой обе стороны еще отстают далеко друг от друга. Англия и Франция должны уяснить себе, хотят ли они вообще и в каком направлении принять германские требования. Германия может лишь заявить о своих требованиях и надеяться на то, что они встретят благоразумный прием.

После обеденного перерыва лорд Галифакс еще раз возвратился к вопросу о продолжении англо-германского контакта и снова предложил прямые переговоры между представителями правительств. Подобные переговоры будут ценны не только по существу, но они произведут большое впечатление на общественное мнение. Вызовет разочарование, если эти прямые переговоры будут намечены на очень поздний срок. В Англии очень многого ожидали от визита г-на рейхсминистра иностранных дел и были весьма разочарованы, когда этот визит не мог состояться вследствие инцидента с «Лейпцигом» и «Дойчланд». Поэтому было бы хорошо, если бы состоялись дальнейшие переговоры между германскими и английскими представителями. При этом можно обсудить колониальный вопрос. Он повторил, что английское правительство вполне готово к обсуждению этого вопроса. Правда, он должен снова добавить, что всякое английское правительство может рассматривать колониальную проблему только как часть общего решения. Следует одновременно широким фронтом взяться за решение всех подлежащих урегулированию вопросов.

Фюрер ответил, что действия широким фронтом как раз требуют хорошей подготовки. По его мнению, лучше вовсе не вести пока переговоров, чем попасть в такое положение, что после придется признать результат неудовлетворительным. Надо подождать. Два реалистических народа, германский и английский, не должны поддаваться влиянию страха перед катастрофой. Всегда говорят, что если не произойдет того или другого, то Европа пойдет навстречу катастрофе. Единственной катастрофой является большевизм. Все остальное поддается урегулированию. Катастрофическое настроение является делом возбужденной злонамеренной прессы. Было бы неправильно утверждать, что сейчас международное положение точно такое, каким оно было в 1912—1914 гг. Возможно, что оно и оказалось бы таким, если бы в промежутке не было войны с ее уроками; то же самое относится и к политической нервозности. Через несколько лет сегодняшние проблемы, возможно, будут выглядеть совсем иначе. Если обстановка в Восточной Азии и в Испании будет урегулирована, то многое, возможно, разрешится легче. Поэтому можно спокойно переждать два-три года, если в настоящее время тот или иной вопрос является слишком сложным.

Роковую роль играет только пресса. Девять десятых всего напряжения вызвано исключительно ею. Испанский кризис и мнимая оккупация Марокко германскими войсками являются примерами, которые ярко иллюстрируют опасность безответственного журнализма. Прямой предпосылкой для

успокоения международных отношений было бы поэтому сотрудничество всех народов с целью покончить с журналистским флибустьерством.

Лорд Галифакс согласился с мнением фюрера об опасности со стороны прессы. Он также полагает, что англо-германские переговоры должны быть хорошо подготовлены. Чемберлен заявил ему, при его отъезде, что он охотно возьмет на себя риск неправильной трактовки в прессе визита лорда Галифакса в Германию, если этим визитом будет сделан но крайней мере один шаг в правильном направлении. Надо только, чтобы обе стороны имели в виду одну цель, а именно: установление и укрепление мира в Европе.

В связи с этим лорд Галифакс поблагодарил за беседу и заявил, что он представит английскому премьер-министру обо всем точный доклад. Фюрер также выразил удовлетворение тем, что он имел откровенную и подробную беседу с лордом Галифаксом, и заявил, что он полностью может принять для Германии только что названную лордом Галифаксом цель. Тот, кто был, как он, солдатом в мировую войну, не хочет больше войны. В Англии и во всех других странах господствуют одинаковые стремления. Лишь, одна страна — Советская Россия — может в случае общего конфликта выиграть. Все другие и глубине души стоят за укрепление мира.

Занятие: ПУТИ РЕШЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПРОБЛЕМЫ 1938 г.

Источник текста:

Михайлова Е.Е. Проблема «баланса сил» и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе /1937 – 1941 гг./ Дис...к.и.н. 07.00.03. – Н.Новгород, 2003. – 205 с. С. 79 – 92.

Пути решения чехословацкой проблемы

В рамках переговоров «Гитлер – Галифакс» фюрер изложил программу своих требований в Центральной Европе. Убедившись в благосклонности Англии в отношении ближайших планов Германии, А. Гитлер приступил к осуществлению замыслов.

12 марта 1938 г. Германия захватила Австрию. Уже на следующий день было сформировано новое австрийское правительство из нацистов, которое приняло закон, объявивший Австрию «немецкой землёй». В политических кругах Англии понимали, что аншлюс усилит позиции вермахта в центре Европы и предоставит немцам стратегический плацдарм для дальнейшего продвижения в Юго-Восточную Европу. Помимо этого Германия приобретёт новые людские и материальные ресурсы, в частности запасы железной руды, нефти. Так же было понимание, что дальнейшая агрессия во многом зависит от позиции Англии. Тем не менее, Англия и Франция дальше формальных протестов германским действиям не пошли²⁵.

Со стороны Советского Союза прозвучал очередной призыв к «организации коллективного отпора агрессору», изложенный в заявлении народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова представителям печати 17 марта 1938 г. Сторонником такого подхода был У. Черчилль. 14 марта в парламенте он говорил, что «Европе противостоит программа агрессии», развёртывающаяся поэтапно, которой необходимо противопоставить «большой союз» государств Западной, Центральной и Восточной Европы. Черчилль выступал за сотрудничество с СССР, который мог сыграть в системе коллективной безопасности важную роль²⁶. Но предложения советской стороны были отвергнуты британским правительством.

Альтернативные варианты решения чехословацкой проблемы правительство Англии обсуждало 18 марта на основании меморандума Форин оффис, подписанного Галифаксом: «Возможные меры по предотвращению акции Германии в Чехословакии».

В нём признавалось ухудшение положения Чехословакии после аншлюса Австрии и тот факт, что «германское правительство будет добиваться включения немецкого меньшинства в состав третьего рейха», переходной ступенькой чего будет автономия Судетской области. Для этого Германии нужно «разрушить договоры Чехословакии с Францией и СССР и создать из Чехословакии нейтральное государство» типа Швейцарии.

²⁵ Documents on International Affairs 1939-1946. - Vol. 1. - L.: Oxford University Press, 1951. - 534 p. P. 30 – 35.

²⁶ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports. Fifth Series. Vol. 333. Col. 93-100.

Важно отметить, что, по мнению министра иностранных дел, принятие Англией обязательств об оказании помощи чехам может существенно уменьшить опасность войны. Но с другой стороны такое обязательство увеличит для Великобритании «шансы вовлечения в войну раньше, чем это представляется желательным».

Вниманию правительства предлагались три варианта действий в связи с угрозой, нависшей над Чехословакией:

1) Большой союз против агрессоров с участием Франции и других стран (предложенный Черчиллем в палате общин 14 марта).

2) Новое обязательство в отношении Франции, т.е. косвенная помощь Чехословакии.

3) Никаких новых обязательств по отношению к Франции.

Аргументация против первого варианта свелась к тому, что план Черчилля оценили как «непрактичный», так как образование большого союза «дело чрезвычайно трудное», в то время как Чехословакия нуждается в незамедлительной помощи.

Реализация второго варианта обставлялась условиями: «хорошее обращение» с судетскими немцами со стороны чехословацкого правительства, а Франция, прежде чем прийти на помощь Чехословакии должна будет получить одобрение Великобритании.

Галифакс отдавал предпочтение третьему варианту, согласно которого оптимальным решением проблемы было достижение соглашения с Германией и отказ от обязательств в отношении Чехословакии. Но такой внешнеполитический курс сам Галифакс охарактеризовал как «негативный», так как должен привести к полному подчинению Чехословакии диктату Гитлера.

В итоге было принято решение добиваться мирного урегулирования судетской проблемы. Оно не предполагало отказ от перспективы подчинения Чехословакии диктату Гитлера, но должно было ликвидировать возможность развязывания военного конфликта из-за данного региона, в результате которого Англии и Франции пришлось бы воевать, «впутавшись с Россией в войну с Германией»²⁷.

Стоит отметить два противоречия в позиции английской стороны:

1) Вопрос о «военной слабости» Англии.

2) Стремление к «мирному урегулированию» чехословацкого кризиса.

Аргументом против вмешательства Англии в дела Центральной Европы было недостаточная подготовленность Великобритании к войне. «Никакое давление с нашей стороны и со стороны наших союзников не в состоянии помешать Германии вторгнуться в Богемию» и нанести решающее поражение чехословацкой армии – отмечалось в меморандуме «Военное значение германской агрессии против Чехословакии» от 21 марта 1938 г.

Но анализ соотношения сил противостоявших сторон в указанном

---

²⁷ Иванов А. Г. Европейская безопасность и английская политика умиротворения (1933 – 1939 гг.) Дис...д.и.н. 07.00.03. - Краснодар, 1993. – 436 с. С. 235.

меморандуме британских военных руководителей представляется слишком пессимистичным и не может быть признан корректным. Он преувеличивал возможности Германии, недооценивал потенциал Чехословакии, Франции и СССР²⁸.

В этом вопросе английские оценки расходятся с мнением французской стороны. В конце апреля 1938 г. на англо-французских переговорах в Лондоне Даладье, рассматривая возможный вооружённый конфликт, отметил, что «с чехословацкой армией нельзя не считаться», что «Франция готова выполнить обязательства по договору», что «Россия обладает сильнейшими военно-воздушными силами в Европе – 5 тыс. самолётов, а её потенциальные ресурсы необычайно велики».

Действительно, как показали события мая 1938 г., соотношение сил чехословацких и немецких армий (в пользу Германии: по дивизиям – в 1,05 раза, по авиации – в 1,6, по танкам – в 1,8 раза) не давало вермахту больших преимуществ для наступления, тем более, что Чехословакия должна была получить помощь от СССР и Франции и Гитлер оказался бы в условиях войны на два фронта.

Сам Чемберлен отрицал, что предоставление рейху «свободы рук» в Центральной и Восточной Европе продиктованы слабостью Англии. По его словам, «только тот факт, что мы увеличили наши силы и представляем в настоящее время грозную державу, позволяет нам говорить достаточно весомо».

Группа британских министров полагала, что если конфликт с Германией неизбежен, выгоднее пойти на него в 1938 г., так как уже через год у неё будут неизмеримо более прочные позиции для ведения длительной войны, в силу того, что новые захваты укрепляют позиции рейха и экономически, и стратегически.

Даже ярый противник вмешательства Англии в чехословацкий конфликт, министр координации обороны Инскип выразил убеждение, что «мы, если будем воевать, одержим победу, но это будет стоить очень дорого». Он делает вывод: «С точки зрения наших интересов, нам не следует ввязываться в войну». Его поддержали министр авиации К. Вуд, канцлер казначейства Дж. Саймон.

Таким образом, вряд ли можно говорить однозначно о предрешенной судьбе Чехословакии.

Возникает парадокс: западные державы говорили о необходимости мирного урегулирования чехословацкого вопроса, а на деле (в Мюнхене) ликвидировали систему союзов с участием СССР, которая могла остановить Гитлера и дальнейшую агрессию.

Британское руководство приняло решение о предоставлении гарантий новых границ Чехословакии, после территориальных уступок Германии. При этом знало, что гарантии не имеют реальной силы. 19 сентября на заседании кабинета военный министр Хор-Белиш предостерегал, что Чехословакия после

---

²⁸ Murray W. The Change in the European Balance of Power 1938-1939: the Path to Ruin. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984; Иванов А.Г. Ук. соч. С. 238-239.

передачи Судетской области превратится в экономически нежизнеспособное государство и трудно представить как оно сможет сохранить независимое существование. В то же время «не существует средств, с помощью которых мы могли бы выполнить гарантии». Чемберлен же мотивировал принятие гарантий тем, что без них урегулирование вопроса мирным путём не удастся, так как чехи в этом случае «предпочтут умереть сражаясь, чем согласятся с решением, которое лишит их естественных границ».

Англо-французское заявление 19 сентября помощник министра иностранных дел Англии О. Харви охарактеризовал как ультиматум, который англичане предъявили Чехословакии за Германию. Чехословацкое правительство заявило о готовности капитулировать. Тем самым были подготовлены условия для достижения «мирной договорённости» между западными державами.

"Разрешение" кризисной ситуации произошло в Мюнхене.

Существовали разные точки зрения в отношении дальнейших планов Гитлера и на его гарантии мира в Западной Европе. На торжественное заявление Н. Чемберлена о том, что «отныне мир обеспечен на целые поколения», У. Черчилль заметил: «Англия должна была выбирать между войной и позором. Ее министры выбрали позор, чтобы затем получить и войну».

То, что данная оценка ситуации была более реалистичной, подтверждает комментарий И. Риббентропа, сделанный по поводу мюнхенской сделки: «Чемберлен сегодня подписал смертный приговор Британской империи и предоставил нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение».

Тем не менее, в момент подписания Мюнхенское соглашение рассматривалось как важное достижение с точки зрения национальных интересов Великобритании. Оно было одобрено большинством голосов в парламенте (366 против 144)²⁹.

---

²⁹ Parkinson R. Peace for Our Time: Munich to Dunkirk – the inside story. - L.: Hart-Davis, 1971. P. 69-70.

Занятие: МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ И ЕГО МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Источник текста:

Год кризиса 1938-1939: документы и материалы. В 2-х томах / Под ред. Л.Ф. Ильичева. - Т. 1. - 29 сентября 1938 г. - 31 мая 1939 г. - М.: Политиздат, 1990. - 554, [1] с. С. 27 - 29, 136 - 137.

Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая и отдельно за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1. Эвакуация начинается с 1 октября.

2. Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3. Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединённого Королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4. Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте, будут заняты германскими войсками в следующем порядке.

Зона, обозначенная цифрой, — 1 и 2 октября; зона, обозначенная цифрой II, — 2 и 3 октября; зона, обозначенная цифрой III, — 3,4 и 5 октября, зона, обозначенная цифрой IV, — 6,7 октября.

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5. Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует принять порядок проведения плебисцита в Саарской области. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам — Германии, Соединенному Королевству, Франции и Италии — незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7. Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

3. Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

Гитлер
Эд. Даладье
Муссолини
Невиль Чемберлен

Дополнение к соглашению

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италии со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из статс-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь.

(Следуют те же подписи)

2. Англо-германская декларация

30 сентября 1938 г.

Мы, германский фюрер и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение* и англо-германское морское соглашение как символизирующие желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом.

Мы приняли твердое решение, чтобы метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

А. Гитлер

Невиль Чемберлен

3. Франко-германская декларация

6 декабря 1938 г.

Г-н Жорж Бонне, министр иностранных дел Французской Республики, и г. Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел германского рейха,

действуя от имени и по поручению своих правительств, при встрече в Париже (6 декабря 1938 г. согласились о нижеследующем:

1. Французское правительство и германское правительство полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из важнейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства приложат поэтому все свои усилия к тому, чтобы обеспечить развитие в этом направлении отношений между своими странами.

2. Оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время.

3. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям.

В удостоверение чего представители обоих правительств подписали настоящую декларацию, которая немедленно вступает в силу.

Составлено в двух экземплярах, на немецком и французском языках, в Париже 6 декабря 1938 г.

Жорж Бонне
Иоахим фон Риббентроп

Занятие: БРИТАНСКАЯ «ПОЛИТИКА ГАРАНТИЙ» (МАРТ 1939 г.)

Источник текста:

Год кризиса 1938-1939: документы и материалы. В 2-х томах / Под ред. Л.Ф. Ильичева. - Т. 1. – 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. - М.: Политиздат, 1990. – 554, [1] с. С. 378 – 379.

Декларация правительства Великобритании о предоставлении гарантий Греции и Румынии**

13 апреля 1939 г.

Правительство Его Величества придает важнейшее значение тому, чтобы избегать нарушения статус-кво в районе Средиземноморья и на Балканском полуострове силой или угрозами применения силы. Поэтому оно пришло к выводу, что в случае, если будет предпринята какая-либо акция, которая явно угрожала бы независимости Греции или Румынии и которой греческое или соответственно румынское правительство сочло бы жизненно необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считало бы себя обязанным немедленно оказать греческому или румынскому правительству, в зависимости от возможного конкретного случая, всю поддержку, которая в его силах. Мы передаем эту декларацию непосредственно заинтересованным правительствам и другим государствам, особенно Турции, тесные связи которой с греческим правительством известны. Я полагаю, что французское правительство сделает подобную же декларацию сегодня во второй половине дня.

** Декларация была оглашена премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в палате общин.

Декларация правительства Франции о гарантиях Греции, Румынии и Польше

13 апреля 1939 г.

Французское правительство придаст исключительно большое значение тому, чтобы предотвратить навязанное силой или угрозой применения силы любое изменение статус-кво в Средиземном море и на Балканском полуострове. Принимая во внимание особую тревогу, которую породили события последних недель, французское правительство в связи с этим дало особые гарантии Румынии и Греции на случай, если будет предпринята акция, явно угрожающая независимости Румынии или Греции, при которой румынское или греческое правительство сочтет, что сопротивление с помощью его национальных вооруженных сил является для него жизненно необходимым, тогда французское правительство будет считать себя обязанным немедленно оказать ему всю помощь, которая в его силах. Английское правительство заняло такую же позицию.

Французское правительство, с другой стороны, было радо узнать о взятии на себя взаимных обязательств Великобританией и Польшей, которые приняли

решение оказать друг другу взаимную поддержку, с тем чтобы защитить свою независимость, если она будет подвергаться прямой или косвенной угрозе. Франко-польский союз с другой стороны, был подтвержден как французским, так и польским правительством в том же самом духе.

Франция и Польша дают друг другу немедленные и непосредственные гарантии против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам.

Занятие: ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МОСКОВСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ ЛЕТОМ 1939 г.

Источник текста:

Михайлова Е.Е. Проблема «баланса сил» и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе /1937 – 1941 гг./ Дис...к.и.н. 07.00.03. – Н.Новгород, 2003. – 205 с. С. 104 – 128.

Двойственная позиция английской дипломатии на Московских переговорах 1939 года

Начало апреля 1939 года стало важной вехой в развитии европейской ситуации. 3 апреля в немецких документах впервые появляется дата начала мировой войны 1 сентября 1939 г. Спустя неделю план нападения на Польшу - «Вайс» - был утверждён. Для Англии этот факт означал, что если Гитлер не пойдёт на переговоры, то ей необходимо будет объявить войну и выступить на стороне Польши, согласно данных гарантий.

Еще 19 мая на заседании Палаты Общин Д. Ллойд Джордж и У. Черчилль настойчиво указывали правительству на жизненно важную необходимость немедленно заключить с Россией соглашение на условиях равноправия.

В общественном мнении с осени 1938 года произошли важные изменения в отношении к угрозе, которую представляла для мира в Европе гитлеровская Германия. В то же время наблюдался рост популярности Советского Союза. Подтверждают этот факт ряд опросов населения Англии. Например, было предложено ответить на вопрос: Если бы необходимо было выбирать между фашизмом и коммунизмом, что бы вы выбрали? В ноябре 1937 г. не имели определённого мнения на этот счёт 46% опрошенных, из остальных – 49% высказались в пользу фашизма, 51% - в пользу коммунизма. В феврале 1939 г. не имели мнения уже только 16%, остальные – 26% предпочли бы фашизм, 74% - коммунизм.

В декабре 1938 г. на вопрос: «Если будет война между Германией и Россией, победу какой страны вы бы предпочли?» Не имели определённого мнения 31% опрошенных, в пользу Германии высказалось 15%, России – 85%.

В марте 1939 г. на вопрос: «Желали бы вы видеть Великобританию и Советский Союз более дружественными между собой», «за» ответило 84%, «нет» – 7%, не имели мнения – 9%.

В апреле 1939 г. за военный союз между Великобританией, Францией и Россией высказались 87%, против – 7%, не было мнения у 6% опрошенных³⁰.

Английские военные эксперты считали Советскую Россию **способной вести войну на два фронта**. Вместе с тем по их оценкам «русская армия очень ослаблена недавними репрессиями и её наступательные возможности невелики. Однако можно ожидать, что она продемонстрирует хорошие

³⁰ Мезенцев В.Ф. Проблема войны и мира и общественное мнение Великобритании. (1935 – 1940 гг.) Дис...к.и.н. 07.00.03. - М., 1992. С. 118.

качества, **действуя в обороне»**³¹.

Вместе с тем общественный имидж СССР как потенциального союзника Британии в борьбе с Германией существенно отличался от воззрений сторонников умиротворения в правительственных сферах.

Английские политики признавали, что СССР стремиться к созданию антигитлеровской коалиции на условиях равноправия. Чемберлен отмечал, что «русские преисполнены стремления достигнуть соглашения».

Было также понимание того, что Советский Союз не желает оставаться в изоляции. При этом английское руководство никогда не упускало из внимания проблему советско-германского сближения. Это сближение в 1939 году помимо всего прочего могло дать для Германии выгоды в военно-стратегическом и экономическом плане. Оно могло способствовать созданию тыла на Востоке, и обеспечению немцев сырьём. Эти факторы учитывались при обсуждении советских предложений на заседаниях английского кабинета, отмечавшего, что постоянно существует возможность, что отказ от них бросит Россию «в объятия Германии».

Тем не менее, британское руководство пришло к выводам о невыгодности сближения с СССР на принципах взаимопомощи, так как англо-русское соглашение: 1) не обеспечит в значительной степени дополнительной безопасности, 2) вызовет подозрения друзей (Португалии, Испании, Югославии, Греции, Польши), 3) усилит враждебность противников.

Но несмотря на такие низкие оценки и пессимистичные прогнозы английское правительство приняло решение о ведении переговоров с советской стороной. Какие цели оно преследовало при этом?

В дальнейшем, уже в ходе Московских переговоров 4 июля 1939г. на заседании английского кабинета лорд Галифакс заявлял: **«Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»**. В итоге условились продолжать дискуссию в Москве, но к соглашению дело не вести³².

Цели диктовали соответствующее поведение англичан в переговорном процессе. Контакты с советской стороной устанавливаются после захвата Чехословакии, но при этом британское руководство выдвигает неприемлемые проекты соглашений, идущие в разрез с интересами безопасности СССР, затягивает время переговоров. В связи с этим американский посол в Париже У. Буллит охарактеризовал английскую политику в отношении СССР этого периода как «медлительную и едва ли не оскорбительную».

С середины июня англо-франко-советские переговоры были сосредоточены в Москве. Обсуждались политические и военные вопросы. Соответственно политические переговоры проходили с 15 июня по 2 августа. Было проведено 12 заседаний. Британским представителем на них был посол в Москве У. Сидс и руководитель одного из департаментов Форин оффис У.

³¹ На роковом пороге (из архивных материалов 1939 г.) // Вопросы истории. 1989. №11. - С. 87 – 112.

³² Год кризиса 1938-1939: документы и материалы. В 2-х томах / Под ред. Л.Ф. Ильичева. - Т. 1. – 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. - М.: Политиздат, 1990. – 554, [1] с. С. 12.

Стрэнг. Французским представителем был посол в Москве П. Наджиар. Военные переговоры проходили с 12 по 21 августа. Советскую военную делегацию возглавил народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Английская военная миссия была возглавлена адъютантом короля адмиралом Р. Драксом, французская – членом военного совета генералом Ж. Думенком.

То, что установка английского правительства на «переговоры ради переговоров» не изменилась, свидетельствует, например, запись в дневнике Чемберлена от 30 июля 1939 г.: **«Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует, напротив, надо создавать видимость успеха, чтобы оказывать давление на Германию»**³³. Эта установка находит своё отражение и на практике.

Англия отправила в Москву делегацию из второстепенных уполномоченных, что само по себе вело к затяжным переговорам. Характеризуя состав английской делегации, советский полпред в Англии писал в НКВД, что по характеру занимаемых официальных постов «члены делегации ничего не смогут решать на месте и всё будут передавать на рассмотрение Лондона» и опять-таки по характеру занимаемых ими постов, «члены делегации могут оставаться в Москве неопределённо долгое время». Кроме того, в отличие от советских представителей, которые были уполномочены подписать военную конвенцию с Англией и Францией, английская и французская миссии не имели таких полномочий, причём английская делегация не имела письменных полномочий и на ведение переговоров. Нужный документ был подписан Галифаксом и подготовлен к отправке лишь 15 августа.

«Тупиковой» проблемой оказался вопрос, поставленный 14 августа советской делегацией о разрешении ввода советских войск на территорию Польши, точнее в Виленский коридор на севере и Галицию на юге, в случае нападения агрессора. «Без положительного решения этого вопроса» – отмечали советские представители – всё начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР «заранее обречено на неуспех». Аналогично оценивали важность этого вопроса английская, и французская миссии, в своих посланиях в Лондон и Париж высказывавшие аргументы в пользу его положительного решения. Но официального ответа на поставленный вопрос не было до 17 августа, после чего П. Дракс предложил прервать переговоры до 21 августа, затем предложил отложить заседания ещё на три-четыре дня.

Одновременно английская сторона вела тайные переговоры с германскими представителями. В своём послании Риббентропу Дирксен отмечал, что инициатива по разработке программы «широкого урегулирования англо-германских отношений» исходила от советника Чемберлена Г. Вильсона. Она была изложена в беседе германского представителя Х. Вольтата с

---

³³ Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время. (1918-1945 гг.) курс лекций. - М.: Изд. МГУ, ИНФАР - 2001. С. 323.

британскими официальными лицами Г. Вильсоном, Ш. Боллом и Р. Хадсоном 24 июля в Лондоне³⁴. Данный документ был передан Г. Герингу и вручен последним И. фон Риббентропу. В Берлине предложения Вильсона были восприняты как “официальный английский зондаж”, направленный на заключение соглашения политического, военного и экономического характера.

Великобритания обещала уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Англия отказалась бы от гарантий, данных ею некоторым государствам, находящимся в германской сфере интересов. Далее, Великобритания воздействовала бы на Францию в том смысле, чтобы она уничтожила свой союз с СССР и свои обязательства в Юго-Восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы.

За день до подписания советско-германского пакта, Чемберлен, зная о готовящемся соглашении, направил послание Гитлеру от 22 августа. Он убеждает фюрера в необходимости восстановить «дух доверия», что позволит продолжить переговоры. 28 августа Чемберлен отправил новое послание Гитлеру где предлагал разрешить разногласия между Германией и Польшей мирным путём и приступить к переговорам «с искренним желанием достичь соглашения».

Уже 30 августа, когда стало известно о сосредоточении на восточном фронте 46 германских дивизий и о готовности Гитлера нанести удар по Польше, Галифакс заявил на заседании английского правительства, что «эта концентрация войск не является действительным аргументом против дальнейших переговоров с германским правительством».

Таким образом, даже перед неотвратимым германо-польским столкновением, в который Англия должна была вмешаться на стороне Польши, британское правительство придерживалось своей прежней модели урегулирования ситуации, которая не предполагает создания фронта противодействия Германии.

---

³⁴ Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война: Документы и материалы. / Отв. Ред. М.Ю. Мягков. – М.: Наука, 2002. – 677 с. С. 69-71.

Занятие: ПАКТ 23 АВГУСТА 1939 г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Источник текста:

Год кризиса 1938-1939: документы и материалы. В 2-х томах / Под ред. Л.Ф. Ильичева. - Т. 1. – 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. - М.: Политиздат, 1990. – 554, [1] с. С. 313 – 314.

Послание премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру

22 августа 1939 г.

Вашему Превосходительству, очевидно, известно относительно некоторых мер, предпринятых правительством Его Величества, о которых сегодня вечером было сообщено в прессе и по радио. Эти шаги, по мнению правительства Его Величества, были необходимы в связи с военными передвижениями, о которых сообщалось из Германии, а также в связи с тем, что сообщение о заключении советско-германского договора, по-видимому, было воспринято в некоторых кругах в Берлине как свидетельство того, что вмешательство Великобритании на стороне Польши более не является тем случаем, с которым нужно считаться. Это было бы самой большой ошибкой. Каким бы ни оказался по существу советско-германский договор, он не может изменить обязательство Великобритании по отношению к Польше, о котором правительство Его Величества неоднократно и ясно заявляло и которое оно намерено выполнять.

Утверждают, что, если бы правительство Его Величества в 1914 г. более ясно заявило о своей позиции, можно было бы избежать страшной катастрофы. Независимо от того, справедливо или нет такое утверждение, правительство Его Величества полно решимости не допустить повторения такого трагически неправильного толкования.

Если возникнет необходимость, правительство Его Величества полно решимости и готово применить без промедления все имеющиеся в его распоряжении силы, и невозможно предвидеть последствия военных действий, если они будут начаты. Было бы опасно обольщаться тем, что если война начнется, то она быстро закончится, даже в том случае, если будет обеспечен успех на одном из нескольких фронтов.

Ясно изложив нашу позицию, я хочу повторить Вам мое убеждение в том, что война между нашими двумя народами была бы величайшим бедствием, какое только можно себе представить. Я уверен, что ни наш, ни ваш народы не желают этого. Я не считаю, что существующие разногласия между Германией и Польшей не могут и не должны быть разрешены без применения силы, если будет восстановлен дух доверия, это даст возможность продолжить переговоры в обстановке, отличной от той, которая существует в настоящее время. Мы были и всегда будем готовы содействовать созданию условий, при которых такие переговоры станут возможными и при которых были бы совместно обсуждены более широкие проблемы, влияющие на будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие взаимный интерес.

Трудности, стоящие на пути любых мирных переговоров при существующей напряженности, вполне очевидны, и чем дальше это напряжение будет сохраняться, тем труднее будет осуществлять разумный подход к данной проблеме.

Однако эти трудности могли бы быть уменьшены, а возможно, и устранены, если бы в начале установилась разрядка между обеими сторонами, а лучше сказать, между всеми сторонами, – то прекратились бы подстрекательство и полемика в прессе.

Если бы можно было добиться такого перемирия, то в конце этого периода, в течение которого могли бы быть предприняты шаги по рассмотрению и урегулированию жалоб, выдвигаемых обеими сторонами в отношении обращения с национальными меньшинствами, разумно было бы надеяться на создание соответствующих условий для ведения прямых переговоров между Германией и Польшей по имеющимся между ними спорным вопросам (при содействии нейтрального посредника и при условии, что обе стороны сочтут, что это будет способствовать успеху).

Однако я должен сказать, что надежда на успешное завершение этих переговоров была бы слабой, если бы заранее не было договоренности о том, что любое соглашение, будь оно достигнуто, получит гарантии других держав. Правительство Его Величества, если будет на то желание, готово сделать посильный вклад в дело эффективного осуществления таких гарантий.

Признаюсь, что в настоящее время я не вижу другого выхода, чтобы избежать катастрофы, которая может вовлечь Европу в войну. Ввиду тех серьезных последствий для человечества, которые могут возникнуть в результате действия руководителей государств, я надеюсь, что Ваше Превосходительство с величайшим вниманием взвесит высказанные мною Вам соображения.

[Н. Чемберлен]

Источник текста:

Михайлова Е.Е. Проблема «баланса сил» и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе /1937 – 1941 гг./ Дис...к.и.н. 07.00.03. – Н.Новгород, 2003. – 205 с. С. 104 – 128.

Исторические условия заключения пакта 23 августа 1939 г.

Когда А. Гитлер узнал, что И. Риббентроп (министр иностранных дел Германии) может приехать в Москву 23 августа, он воскликнул: *«Это стопроцентная победа! И хотя я никогда этого не делаю, теперь я выпью бутылку шампанского!»*. Гитлер говорил 22 августа, что боится только одного,

что «в последний момент какая-нибудь сволочь предложит план посредничества». Имелся в виду Чемберлен³⁵.

Поскольку Польша своим несогласием на проход войск заблокировала военные переговоры в Москве, заключение англо-франко-советского союза до близившейся развязки германо-польского конфликта перестало быть реальной альтернативой германо-советскому сближению.

Советский Союз был заинтересован в создании антигитлеровской коалиции и его очень трудно было привлечь на сторону Германии. Это признавала и немецкая дипломатия. **Именно Германия была инициатором сближения с СССР.**

22 мая 1939 года Ф. Шуленбург (посол Германии в СССР) писал Э. Вейцекеру (статс-секретарь министерства иностранных дел Германии): **«Советский Союз откажется от своей линии в переговорах с нами в том случае, если Англия и Франция предложат ему исчерпывающий договор о союзе».** В ответ Вейцекер соглашался, что «видимо, нелегко будет предотвратить комбинацию Англия - СССР»³⁶. Но гитлеровское правительство активно предпринимало попытки к сближению с СССР, стремясь не допустить англо-советского соглашения. С конца мая эта тенденция усиливается. Учитывая сложившуюся ситуацию, советское правительство не отвергало возможности такого сближения. 31 мая 1939 года В.М. Молотов (народный комиссар иностранных дел СССР), излагая ход и состояние переговоров отмечал, что Англия и Франция не идут на предложения Советского Союза и не желают равноправного договора. Он также подчеркнул, что «ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считали необходимым отказаться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия»³⁷.

23 августа, прилетев в Москву, Риббентроп встретил прохладный приём, но на очень высоком уровне. В переговорах участвовал лично Сталин. Во время беседы он показал Риббентропу, что прекрасно осведомлён о германо-британских переговорах. Когда министр упомянул об очередном зондаже англичан, Сталин произнёс: «Речь, видимо идёт о письме Чемберлена, которое посол Гендерсон 23 августа вручил в Оберзальцберге фюреру». **Сталин прекрасно знал, какова альтернатива советско-германскому пакту. Англо-германский пакт.**

Советская сторона ждала ответа на вопрос о возможности проведения советских войск через территорию Польши. Последняя дала «согласие на ведение переговоров по этому вопросу», что было истолковано как дальнейшее затягивание Московских переговоров. **В ночь на 24 августа 1939 г. будет подписан пакт Молотова-Риббентропа о ненападении** (официальной датой его подписания считается день начала переговоров 23 августа 1939 г.).

За политическим соглашением между Германией и СССР последовало

³⁵ Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929 – 1941 годы. – М.: Вече, 2004. 576 с. С. 347 – 354.

³⁶ Советско-нацистские отношения 1939 – 1941. Париж – Нью-Йорк, 1983. С.15.

³⁷ История дипломатии. / Под ред. В.М. Потёмкина. Т. 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919 – 1939). - М.-Л.: Госполитиздат, 1945. – 883 с. С. 684.

установление экономических связей. Ещё 19 августа 1939г. было подписано кредитное соглашение. К нему прилагались три закрытых товарных списка: «А» - советские заказы под кредит, «Б» - заказы в течение двух лет за поставки из СССР зерна и промышленного сырья, «В» - объем советских поставок Германии зерна и сырья в течение тех же двух лет на сумму 180 млн. марок.

По договору Германия обязывалась поставлять: станки разного назначения, промышленное оборудование, измерительные и оптические приборы, рыболовные траулеры, морские буксиры, машины, дюралюминий, остродефицитные металлы, металлоизделия. Советский Союз расплачивался сельскохозяйственной продукцией, нефтепродуктами, промышленным сырьем, цветными металлами. В дальнейшем между СССР и Германией были заключены хозяйственные договоры 11 февраля 1940 года и 10 января 1941 года.

Несмотря на то, что Германия не полностью выполнила свои обязательства, СССР хотя бы частично приобрёл необходимые для себя товары. Об этом пишет А.А. Шевяков: **«Советский Союз получил отдельные виды военной продукции и то уникальное промышленное оборудование, в котором нам отказывали западные «демократы» - Англия, Франция и США³⁸.**

В этой связи советско-германский пакт о ненападении можно рассматривать как вынужденный шаг Москвы, не желавшей оказаться в полной изоляции.

Источник текста:

Год кризиса 1938-1939: документы и материалы. В 2-х томах / Под ред. Л.Ф. Ильичева. - Т. 1. – 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. - М.: Политиздат, 1990. – 554, [1] с. С. 319 – 321.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом

23 августа 1939 г.

Правительство СССР и
Правительство Германии,

руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года,

пришли к следующему соглашению:

Статья I

---

³⁸ Шевяков А. А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы// Социологические исследования. 1995. - № 5. - С. 24.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Источник текста:

Михайлова Е.Е. Проблема «баланса сил» и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе /1937 – 1941 гг./ Дис...к.и.н. 07.00.03. – Н.Новгород, 2003. – 205 с. С. 104 – 128.

Была ли альтернатива пакту 23 августа 1939 г.?

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года иногда рассматривается как «точка в планах по созданию системы коллективной безопасности в Европе». Тем самым вина за развязывание войны перекладывается на СССР. Что касается Великобритании, то пакт стал для её лидеров якобы неожиданностью. Н. Чемберлен считал, что он создаёт «фронт мира», предоставляя «гарантии» Польше, Румынии, Греции, Турции. Это были «пути создания эффективного средства устрашения Германии». В этом же ключе рассматриваются и англо-франко-советские переговоры в Москве весной-летом 1939 г. И только советское руководство «нарушило эти планы», заключив пакт, который якобы предопределил начало войны. Так ли это?

На самом деле пакт не был «неожиданностью» для британских лидеров и «провалом всех надежд». Они просто не стремились к военному союзу с СССР против Германии, как показывает анализ документов кануна войны.

Английская политика «гарантий» иногда преподносится как «дипломатическая революция», «первый выстрел на западном фронте». Это преувеличено. Британское правительство предоставило гарантии Польше – 31 марта 1939 г., Румынии, Греции – 13 апреля. Позднее они были распространены и на Турцию. В то же время следует отметить, что обязательства Англии и Франции предусматривали поддержание независимости стран, но не гарантировали их границ, оставляя тем самым вопрос об их пересмотре открытым.

Военные эксперты Англии утверждали, что выполнить гарантии она не в состоянии. Без союза с СССР они военного значения не имеют и Гитлера не устрашат, а может, наоборот, спровоцируют на войну. Верным представляется вывод о том, что вместо установления военного сотрудничества с СССР, с помощью которого Англия могла выполнить свои обязательства, британский кабинет был озабочен тем, как умиротворить Гитлера на этот раз за счёт Польши, пойдя на уступки её территорий, и вывести германские войска к советским границам.

Во время ведения переговоров в Москве с СССР «неожиданным ударом» советско-германский пакт не стал для лидеров британского руководства. Этот вариант был ими просчитан за долго до переговоров: если Англия и Франция не подпишут соглашение с СССР, это бросит русских «в объятия Германии».

Тем не менее, политическое решение было принято: переговоры с Москвой вести, но соглашение на принципах взаимопомощи не подписывать, так как оно: 1) не обеспечит в значительной степени дополнительной безопасности, 2) вызовет подозрения друзей (Португалии, Испании, Югославии, Греции, Польши), 3) усилит враждебность противников. Оценки политиков в данном вопросе разошлись с мнением начальников штабов и результатами опросов общественного мнения.

В марте 1939 г. англичане отвечали на вопрос: «Желали бы вы видеть Великобританию и Советский Союз более дружественными между собой». «За» ответило 84%, «нет» – 7%, не имели мнения – 9%. В апреле 1939 г. за военный

союз между Великобританией, Францией и Россией высказались 87%, против – 7%, не было мнения у 6% опрошенных.

Английские военные эксперты считали Советскую Россию способной вести войну на два фронта. Вместе с тем по их оценкам «русская армия очень ослаблена недавними репрессиями и её наступательные возможности невелики. Однако можно ожидать, что она продемонстрирует хорошие качества, действуя в обороне».

17 августа 1939 г. в докладе заместителей начальников штабов Великобритании, представленного кабинету министров подчёркивалась мысль о том, что «заключение договора с Россией» представляется «лучшим средством предотвращения войны». Одновременно указывалось, что для достижения договора необходимо оказать «сильнейшее давление на Польшу и Румынию, с тем, чтобы они заранее дали согласие на использование русскими силами территории в случае нападения Германии». Но именно по этому вопросу Московские переговоры зашли в тупик.

Почему английское правительство приняло решение о ведении переговоров с советской стороной без заключения соглашения?

Англия тем самым затягивала время. Уже в ходе Московских переговоров 4 июля 1939 г. на заседании английского кабинета лорд Галифакс заявлял: «Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией». В итоге условились продолжать дискуссию в Москве, но к соглашению дело не вести.

То, что установка английского правительства на «переговоры ради переговоров» не изменилась, свидетельствует, например, запись в дневнике Чемберлена от 30 июля 1939 г.: «Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует, напротив, надо создавать видимость успеха, чтобы оказывать давление на Германию». Эта установка находит своё отражение и на практике: в Москву была отправлена делегация из второстепенных уполномоченных, что само по себе вело к затяжным переговорам. Характеризуя состав английской делегации, советский полпред в Англии писал в НКВД, что по характеру занимаемых официальных постов «члены делегации ничего не смогут решать на месте и всё будут передавать на рассмотрение Лондона» и опять-таки по характеру занимаемых ими постов, «члены делегации могут оставаться в Москве неопределённо долгое время». Кроме того, в отличие от советских представителей, которые были уполномочены подписать военную конвенцию с Англией и Францией, английская и французская миссии не имели таких полномочий, причём английская делегация не имела письменных полномочий и на ведение переговоров. Нужный документ был подписан Галифаксом и подготовлен к отправке лишь 15 августа.

Одновременно Англия вела тайные переговоры «Вильсона - Вольтата» о разделе сфер влияния с Германией в том числе в Восточной Европе³⁹.

---

³⁹ Безыменский Л.А. Новые материалы о переговорах Вильсона-Вольтата 1939. //Новая и новейшая история. - 1979. - №1. - С. 86 –102.

За день до подписания советско-германского пакта, Чемберлен, зная о готовящемся соглашении, направил письмо Гитлеру. В нём говорилось, что в случае нападения Германии на Польшу английское правительство «намерено выполнять» свои обязательства по гарантиям. В то же время премьер подчёркивал, что «война между нашими двумя народами была бы величайшим бедствием, какое только можно себе представить». Он убеждал фюрера в необходимости восстановить «дух доверия», что позволит «продолжить переговоры в обстановке, отличной от той, которая существует в настоящее время».

28 августа Чемберлен отправил новое послание Гитлеру, где предлагал разрешить разногласия между Германией и Польшей мирным путём и приступить к переговорам «с искренним желанием достичь соглашения» так быстро, «как это окажется целесообразным».

Уже 30 августа, когда стало известно о сосредоточении на восточном фронте 46 германских дивизий и о готовности Гитлера нанести удар по Польше, Галифакс заявил на заседании английского правительства, что «эта концентрация войск не является действительным аргументом против дальнейших переговоров с германским правительством».

Таким образом, даже перед неотвратимым германо-польским столкновением, в который Англия должна была вмешаться на стороне Польши, британское правительство придерживалось своей прежней модели урегулирования ситуации, которая не предполагала создания фронта противодействия Германии.

В современной отечественной историографии обсуждается вопрос: предопределял ли пакт 23 августа начало войны?

Ведущие британские политики (Черчилль, Ллойд Джордж, Галифакс) высказывали в своих выступлениях, что пакт для СССР – мера вынужденная, оборонительного характера. Альтернативы ей не было, так как правительство Н. Чемберлена не собиралось заключать союз.

Советский Союз был заинтересован в создании антигитлеровской коалиции и его очень трудно было привлечь на сторону Германии. Это признавала и немецкая дипломатия. Именно Германия была инициатором сближения с СССР.

22 мая 1939 года Ф. Шуленбург (посол Германии в СССР) писал Э. Вейцекеру (статс-секретарю министерства иностранных дел Германии): «Советский Союз откажется от своей линии в переговорах с нами в том случае, если Англия и Франция предложат ему исчерпывающий договор о союзе». В ответ Вейцекер соглашался, что «видимо, нелегко будет предотвратить комбинацию Англия - СССР». Но гитлеровское правительство активно предпринимало попытки к сближению с Советским Союзом. С конца мая эта тенденция усиливается. Учитывая сложившуюся ситуацию, советское правительство не отвергало возможности такого сближения.

23 августа, прилетев в Москву, И. Риббентроп встретил прохладный приём, но на очень высоком уровне. В переговорах участвовал лично И.В.

Сталин. Во время беседы он показал Риббентропу, что прекрасно осведомлён о германо-британских переговорах. Сталин знал, какова альтернатива советско-германскому пакту. Англо-германский пакт.

За политическим соглашением между Германией и СССР последовало установление экономических связей. Ещё 19 августа 1939 г. было подписано кредитное соглашение. К нему прилагались три закрытых товарных списка: «А» - советские заказы под кредит, «Б» - заказы в течение двух лет за поставки из СССР зерна и промышленного сырья, «В» - объем советских поставок Германии зерна и сырья в течение тех же двух лет на сумму 180 млн. марок.

По договору Германия обязывалась поставлять: станки разного назначения, промышленное оборудование, измерительные и оптические приборы, рыболовные траулеры, морские буксиры, машины, дюралюминий, остродефицитные металлы, металлоизделия. Советский Союз расплачивался сельскохозяйственной продукцией, нефтепродуктами, промышленным сырьем, цветными металлами. В дальнейшем между СССР и Германией были заключены хозяйственные договоры 11 февраля 1940 года и 10 января 1941 года.

Несмотря на то, что Германия не полностью выполнила свои обязательства, СССР хотя бы частично приобрёл необходимые для себя товары. Об этом пишет А.А. Шевяков: «Советский Союз получил отдельные виды военной продукции и то уникальное промышленное оборудование, в котором нам отказывали западные «демократы» - Англия, Франция и США.

В этой связи советско-германский пакт о ненападении можно рассматривать как вынужденный шаг Москвы, не желавшей оказаться в полной изоляции.

Надо признать, что пакт давал тактические выгоды Гитлеру. Но решение начать войну было принято намного раньше. 3 апреля 1939 г. Гитлер отдал распоряжение о разработке плана «Вайс» - подготовки нападения на Польшу, с требованием, чтобы «осуществление операции было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.» Через неделю 11 апреля этот план фюрером был утверждён. Таким образом, скорее Мюнхен и последующая оккупация Чехословакии убедили Гитлера, что он не столкнётся с вооруженными действиями западных держав из-за территориальных споров.

Для Англии в советско-германском сближении были и положительные моменты.

С одной стороны Чемберлен мог «использовать разочарование политической общественности в отношении России для того, чтобы снова взять курс на соглашение с Германией». Так как не все мирные альтернативы были исчерпаны.

О разочаровании свидетельствуют и результаты опросов общественного мнения Великобритании. Если в августе 50% опрошенных высказывались за подписание договора с Россией, то в октябре на вопрос: «Должен ли кабинет министров послать в Москву делегацию для обсуждения будущих отношений с Россией?» положительно ответили 47%, отрицательно – 34%, 19% - не имели

мнения.

В то же время английским кабинетом учитывались оценки британских военных экспертов, согласно которых германское и советское продвижение в Польшу создаст ситуацию, когда два потенциально враждебных государства окажутся в непосредственном соприкосновении друг с другом, что неизбежно должно было привести к трениям⁴⁰.

Несмотря на кажущееся поражение английской дипломатии в её двойной игре лета 1939 года в преддверии мировой войны, Англия всё-таки сохранила условия системы противовесов на европейском континенте. С одной стороны она не допустила усиления и вмешательства Советского Союза в дела Западной Европы, с другой, не дала «погубить» Германию в войне на два фронта, военная сила которой должна была быть использована в дальнейшем против потенциальной сверхдержавы на Востоке.

---

⁴⁰ Китчен М. «Загадка, покрытая мраком неизвестности»: британские оценки СССР на начальном этапе второй мировой войны. // Война и политика, 1939-1941. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. - М.: Наука, 1999. С. 107.

Занятие: СОБЫТИЕ, ПРЕДОПРЕДЕЛИВШЕЕ ВОЙНУ В ЕВРОПЕ

Источник текста:

Михайлова Е.Е. Проблема «баланса сил» и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе /1937 – 1941 гг./ Дис...к.и.н. 07.00.03. – Н.Новгород, 2003. – 205 с. С. 104 – 128.

Пакт 23 августа 1939 г. и его последствия.

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года иногда рассматривается как «точка в планах по созданию системы коллективной безопасности в Европе». Н. Чемберлен (премьер-министр Великобритании) якобы считал, что он создаёт «фронт мира» ведя англо-франко-советские переговоры в Москве весной-летом 1939 г. И только советское руководство «нарушило эти планы», заключив пакт, который возможно и предопределил начало войны. Так ли это?

Была ли альтернатива Пакту, и в чём она заключалась? Существует точка зрения о безальтернативности пакта. Но в ряде работ авторы пытаются доказывать, что у сталинского руководства были и другие варианты. Например, СССР мог ни с кем не подписывать соглашения или затягивать переговоры с А. Гитлером при этом продолжая переговоры с Англией и Францией о союзе накануне войны. Возникает вопрос: стремилась ли английская и французская дипломатия к равноправному соглашению с СССР?

Англия и Франция пошли на переговоры в Москве весной-летом 1939 г., точку которым поставил советско-германский пакт о ненападении. Но надо отметить, что «неожиданным ударом» этот пакт не стал для лидеров британского руководства. Такой вариант был ими просчитан задолго до переговоров: если Англия и Франция не подпишут соглашение с СССР, это бросит «русских в объятия Германии» - утверждалось на заседании кабинета министров. Тем не менее, политическое решение было принято: переговоры с Москвой вести, но соглашение на принципах взаимопомощи не подписывать. Оценки политиков в данном вопросе разошлись с мнением начальников штабов и результатами опросов общественного мнения.

По данным опросов англичан в апреле 1939 г. за военный союз между Великобританией, Францией и Россией высказались 87%, против – 7%, не было мнения у 6% опрошенных.

Английские военные эксперты считали Советскую Россию способной вести войну на два фронта. По их оценкам «русская армия очень ослаблена недавними репрессиями и её наступательные возможности невелики. Однако можно ожидать, что она продемонстрирует хорошие качества, действуя в обороне». 17 августа 1939 г. в докладе заместителей начальников штабов Великобритании, представленного кабинету министров подчёркивалась мысль о том, что «заключение договора с Россией» представляется «лучшим средством предотвращения войны». Одновременно указывалось, что для достижения договора необходимо оказать «сильнейшее давление на Польшу и

Румынию, с тем, чтобы они заранее дали согласие на использование русскими силами территории в случае нападения Германии». Но именно по этому вопросу Московские переговоры зашли в тупик.

Почему английское правительство приняло решение о ведении переговоров с советской стороной без заключения соглашения?

Англия тем самым затягивала время. То, что у английского правительства была установка на «переговоры ради переговоров», свидетельствует, например, запись в дневнике Чемберлена от 30 июля 1939 г.: *«Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует, напротив, надо создавать видимость успеха, чтобы оказывать давление на Германию»*. Эта установка находит своё отражение и на практике: в Москву была отправлена делегация из второстепенных уполномоченных, что само по себе вело к затяжным переговорам. По характеру занимаемых официальных постов члены делегации ничего не могли решать на месте и всё должны были передавать на рассмотрение Лондона и Парижа, и опять-таки по характеру занимаемых ими постов, они могли оставаться в Москве неопределённо долгое время. Кроме того, в отличие от советских представителей, которые были уполномочены подписать военную конвенцию с Англией и Францией, английская и французская миссии не имели таких полномочий, причём английская делегация не имела письменных полномочий и на ведение переговоров. Нужный документ был подписан Галифаксом (министром иностранных дел Великобритании) и подготовлен к отправке лишь 15 августа.

Одновременно Англия вела тайные переговоры с Германией («Вильсона - Вольтата») о разделе сфер влияния, в том числе в Восточной Европе.

За день до подписания советско-германского пакта, Чемберлен, зная о готовящемся соглашении, направил личное письмо Гитлеру, где предлагал разрешить разногласия и достичь соглашения. Аналогичное письмо будет им отправлено и 28 августа 1939 г.

Таким образом, даже перед неотвратимым германо-польским столкновением, в который Англия должна была вмешаться на стороне Польши (по союзническим обязательствам), британское правительство придерживалось своей прежней модели урегулирования ситуации, которая не предполагала создания фронта противодействия Германии.

Следовательно, альтернативой советско-германскому пакту был англо-германский пакт.

Предопределял ли Пакт начало войны?

Войны не планируются за неделю. Ещё после первой мировой войны, в 1919 г., глядя на условия Версальского мирного договора, французский маршал Фош поразительно точно подметил: «Это не мир, а перемирие на 20 лет». Другими словами, версальско-вашингтонская система международных отношений не разрешила всех противоречий и не предоставила прочных гарантий мира.

Современные авторы не перестают спорить об ответственности СССР за начало войны. Выдвигаются противоположные точки зрения: одни считают,

что Советский Союз был агрессор, другие – что он стремился предотвратить Вторую мировую войну. В этой связи интересно отметить, что ведущие британские политики (Черчилль, Ллойд Джордж, Галифакс) высказывали в своих выступлениях, что пакт для СССР – мера вынужденная, оборонительного характера. Альтернативы ей не было, так как правительство Н. Чемберлена не собиралось заключать союз.

Советский Союз был заинтересован в создании антигитлеровской коалиции и его очень трудно было привлечь на сторону Германии. Это признавала и немецкая дипломатия. Именно Германия была инициатором сближения с СССР.

22 мая 1939 года Ф. Шуленбург (посол Германии в СССР) писал Э. Вейцекеру (статс-секретарю министерства иностранных дел Германии): «Советский Союз откажется от своей линии в переговорах с нами в том случае, если Англия и Франция предложат ему исчерпывающий договор о союзе». В ответ Вейцекер соглашался, что «видимо, нелегко будет предотвратить комбинацию Англия - СССР». Но гитлеровское правительство активно предпринимало попытки к сближению с Советским Союзом.

Когда А. Гитлер узнал, что И. Риббентроп (министр иностранных дел Германии) может приехать в Москву 23 августа, он воскликнул: «Это стопроцентная победа! И хотя я никогда этого не делаю, теперь я выпью бутылку шампанского!»

23 августа, прилетев в Москву, И. Риббентроп встретил прохладный приём, но на очень высоком уровне. В переговорах участвовал лично И.В. Сталин. Во время беседы он показал Риббентропу, что прекрасно осведомлён о германо-британских переговорах.

За политическим соглашением между Германией и СССР последовало установление экономических связей. По договору Германия обязывалась поставлять: станки разного назначения, промышленное оборудование, машины, металлоизделия. Советский Союз расплачивался сельскохозяйственной продукцией, нефтепродуктами, промышленным сырьём, цветными металлами. Несмотря на то, что Германия не полностью выполнила свои обязательства, СССР хотя бы частично приобрёл необходимые для себя товары. Об этом пишет А.А. Шевяков: «Советский Союз получил отдельные виды военной продукции и то уникальное промышленное оборудование, в котором нам отказывали западные «демократы» - Англия, Франция и США.

В этой связи советско-германский пакт о ненападении можно рассматривать как вынужденный шаг Москвы, не желавшей оказаться в полной изоляции.

Надо признать, что пакт давал тактические выгоды Гитлеру. Но решение начать войну было принято намного раньше. *3 апреля 1939 г. Гитлер отдал распоряжение о разработке плана «Вайс»* - подготовки нападения на Польшу, с требованием, чтобы «осуществление операции было возможно в любое время, начиная с *1 сентября 1939 г.*» Через неделю *11 апреля этот план фюрером был утверждён.* Таким образом уже задолго до Пакта обозначилась дата начала

Второй мировой войны. Что дало основание Гитлеру принять такое решение? Видимо Мюнхен!

В Мюнхене 29-30 сентября 1938 г. Англия, Франция, Германия и Италия заключили «соглашение четырёх», согласно которому Судеты от Чехословакии передавались Германии. Вместе с тем были заключены англо-германская (и позднее франко-германская декларация) о ненападении. Вышеуказанные страны договорились по всем спорным вопросам придерживаться метода консультаций. Необходимо отметить, что Советский Союз не был приглашен на данную конференцию и восточная граница была не гарантирована от нападений. К тому же Мюнхенское соглашение разрушило французскую систему безопасности, которая предполагала для Германии войну на два фронта с Францией, Англией, СССР, если бы Гитлер напал на Чехословакию. Мюнхен и многое другое убедили гитлеровское руководство, в том, что оно не столкнется с вооруженными действиями западных держав из-за территориальных споров. Это, по-видимому, и развязало руки фюреру. Вопрос о том, начнется ли новая война в Европе, решался всю неделю, последовавшую за пактом Молотова – Риббентропа⁴¹.

Из вышесказанного можно заключить, что не столько «пакт 23 августа», сколько «мюнхенское соглашение» позволило А. Гитлеру планировать начало войны на сентябрь 1939 г.

---

⁴¹ Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929 – 1941 годы. – М.: Вече, 2004. 576 с. С. 353 – 355.

Занятие: СССР ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД «СТРАННОЙ ВОЙНЫ»

Источник текста:

Михайлова Е.Е. Проблема «баланса сил» и место СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании в Европе /1937 – 1941 гг./ Дис...к.и.н. 07.00.03. – Н.Новгород, 2003. – 205 с. С. 129 – 144.

Причины выжидательной позиции Великобритании в период «странной войны»

Уже в самом начале войны, в период первой кампании - по захвату Польши (1 - 28 сентября 1939г.) - Англия и Франция проявили свою пассивную позицию и нежелание вмешиваться в вооруженный конфликт.

После нападения Германии на Польшу Англия и Франция должны были немедленно оказать помощь согласно их гарантиям и союзным договорам, в том числе учитывая англо-польский договор о взаимопомощи от 25 августа 1939 года. Однако это произошло только **3 сентября**⁴². К тому же война была объявлена формально, никакой эффективной помощи Польше не было оказано, хотя силы для этого были. 110 французских и английских дивизий оставались в полном бездействии против 23 германских дивизий на Западе. Не предпринималось попыток провести бомбардировки с воздуха германских пунктов военно-стратегического значения (например, военные заводы Эссена, аэродромы, средства коммуникации), чтобы не навлечь на себя ответных действий немецкой стороны. Англичане ограничились отправкой бомбардировщиков, которые разбрасывали над Германией листовки, взывающие к нравственности немцев. «Всё, что мы сделали, - отмечает в своих мемуарах английский политик Г. Макмиллан, - стало известным как **«война конфетти»**. Исключение составляли военные действия на море, но они не изменили соотношения сил противников.

В результате в дни «странной войны» потери, которые несла Англия на фронтах, были значительно меньше числа жертв от несчастных случаев на английских дорогах. Известный английский журналист Гамильтон Файф писал 29 октября 1939 г. в своём дневнике, что в течении сентября месяца 1130 человек погибло на дорогах Англии, а общее число убитых врагом англичан на море, на земле и в воздухе составило 691 человек.

Существуют разные объяснения этой позиции западных демократий. Рассмотрим некоторые точки зрения различных сторон по этому поводу.

Немецкие генералы высказывали мнение, что силы у союзных войск были для борьбы с германской армией. Например, Йодль на Нюрнбергском процессе заявил: «Наши запасы были смехотворно малы, и мы вышли из положения исключительно благодаря тому, что на Западе не велись военные

---

⁴² Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports. Fifth Series. Vol. 351. P. 292-294.

действия». Вестфаль и Гальдер высказывали предположение, что союзники могли бы угрожать захватом Рурского бассейна.

Бездействие англо-французских войск анализировал И.М. Майский: Англия и Франция фактически не вели войну «не потому, что Лондон и Париж, готовя какие-либо крупные наступательные операции, вынуждены были мириться с временным затишьем на фронте...», а потому, что они **«вообще не хотели воевать»**. Всё свидетельствует о том, что даже с началом войны Чемберлен и Даладье не желали отказаться от концепции «западной безопасности». Они считали, что 3 сентября 1939 г. «произошёл несчастный случай: в сумерках международной обстановки друзья не узнали друг друга и обрушились друг на друга с кулаками, но этот неприятный инцидент можно и должно возможно скорее уладить...». Большинство в политических кругах Англии верило, что ситуацию можно урегулировать, а пока нужно соблюдать принцип «business as usual» (дела как обычно). Любопытно свидетельство английского фельдмаршала Монтгомери. В своих мемуарах он рассказывает, что Чемберлен 16 декабря 1939 г. говорил: «Я не думаю, чтобы немцы имели какое-либо намерение атаковать нас». Хотя были и более реалистичные оценки происходящего. 12 ноября 1939 г. Черчилль в речи по радио заявил: «Никто на Британских островах не думает, что эта война будет лёгкой и короткой»⁴³. Но решающую роль играла позиция Чемберлена на том этапе.

В консервативной «Санди таймс» говорилось, что перспектива ухудшения положения Германии и расширение влияния России «не имеет в себе ничего привлекательного для громадного большинства английского народа». Причем заявлялось, что для Великобритании более подходящим может быть мир с Германией⁴⁴.

Вместо активных действий английское руководство предполагало проводить пассивную оборонительную политику. Еще весной 1939 года были намечены основные линии английской военной стратегии. Предполагалось, что «на начальной стадии войны» она будет «в общем оборонительной». Причем этот период был рассчитан на три года, пока Англия и Франция будут наращивать свои силы.

США в этот период так же выражали заинтересованность в том, чтобы Англия придерживалась оборонительных позиций. В ноябре 1939 года американский обозреватель-международник Липпман заявлял: «наша политика должна состоять в том, чтобы заставить их придерживаться этой (оборонительной – Е. М.) стратегии».

Согласно данной позиции предусматривалась необходимость подрыва сил Германии посредством установления «экономической блокады». По мнению Чемберлена, это должно было **«убедить немцев, что они не могут выиграть войну»**⁴⁵.

⁴³ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. - М.: Международные отношения, 1987. – 784 с. С. 442 - 443, 452.

⁴⁴ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939 - 1945). - М.: Наука, 1965. – 638 с. С. 42.

⁴⁵ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата... С. 452.

27 июля 1939 года Комитет имперской обороны одобрил разработанные планы экономической войны. Целью являлась дезорганизация экономики противника в такой степени, чтобы лишить его возможности дальнейшего ведения войны. Эта блокада приравнивалась к военной операции. Предполагалось проводить ее тремя способами: 1) законодательные меры, 2) дипломатические, 3) военные⁴⁶.

3 сентября 1939 года английское правительство приступило к осуществлению планов. Было создано министерство экономической войны, во главе которого поставлен Рональд Кросс. Началось создание контрольных пунктов в Гибралтаре, Порт-Саиде, Кайфе, и т. д. Осуществлялся контрабандистский контроль, перехватывались и проверялись нейтральные суда. Заключались договора (военно-торговые) с прилегающими к Германии странами, расширялись закупки товаров, которые были необходимы гитлеровскому режиму, захватывали германский экспорт.

Но это «секретное оружие» Англии не оправдало надежд. В период с сентября 1939 года по апрель 1940 года желаемых результатов не удалось достигнуть. В Германии в это время комплектовались новые воинские части, изготовлялось новейшее вооружение. К марту 1940 года Гитлер мог утверждать, что германская военная мощь увеличилась за истекшие пять месяцев больше, чем за предшествующие семь лет⁴⁷. Таким образом, время работало на Германию.

Закончив польскую операцию, Гитлер в сентябре 1939 года предложил Англии мирное урегулирование вопросов. 19 сентября он выступал в Данциге, заявляя, что Германия не преследует военных целей ни в отношении Франции, ни в отношении Англии. Но они «должны реально оценивать тот факт, что Польша завоевана Германией»⁴⁸.

О готовности прекратить военные действия говорилось 28 сентября. 6 октября на выступлении в рейхстаге Гитлер выдвинул идею созыва Европейской конференции. По его словам произведенная ревизия Версальского договора в Европе «создала предпосылки для ясных, стабильных и ...приемлемых отношений». Осталось лишь разрешить колониальный вопрос путем возвращения Германии принадлежавших ей ранее территорий. После этого он высказал согласие обсуждать вопрос о разоружении.

Далерус (посредник в переговорах английского и германского правительств) сообщал А. Гитлеру о том, что английское правительство ищет путей заключения мира и, что его беспокоит вопрос как при этом сохранить свой престиж. Но в то же время, как отмечал в своем письме 8 октября 1939 г. Н. Чемберлен: «...трудность в том, что нельзя верить ничему, что говорит Гитлер». Он надеялся, что решить проблему могло смещение Гитлера в результате борьбы за власть в Германии. «Пока он (Гитлер) не исчезнет, его

⁴⁶ Macmillan H. The Blast of War 1939-1945. - New York/ Evanston: Harper & Row, 1968. - 623 p. P. 6.

⁴⁷ Amery L.S. My Political Life. - L.: Hutchinson, 1955. - 657 p. P. 330.

⁴⁸ История дипломатии. / Под ред. А.А. Громыко. - Т.4. Дипломатия в годы второй мировой войны. - М.: Политиздат, 1975. - 752 с. С. 11.

система не развалится, никакого мира быть не может» - писал Чемберлен через неделю после начала войны⁴⁹.

Черчилль считал, что предложения Германии являются следствием политики умиротворения, фюрер «уверовал, что ни мы, ни Франция не способны вести войну»⁵⁰. Однако в ситуации, которая давала Гитлеру военно-стратегические преимущества в Европе, английское руководство не могло не понимать, что, принимая его предложения, Англия способствует дальнейшему закреплению германской гегемонии в Европе. Мирные условия, выгодные Германии, не устраивали Великобританию. Объяснения этому можно найти в рассуждениях Ллойд Джорджа, который разъяснял И.М. Майскому, что заключение мира с Гитлером невозможно. «Германия всегда была и всегда будет сильнее нас на суше...Германия сейчас сильнее нас и в воздухе». Мир, как полагает Ллойд Джордж между Англией и Германией возможен на базе предоставления Гитлеру полной свободы рук на европейском континенте, что приведёт к подчинению экономических, финансовых и промышленных ресурсов этих стран. В результате Гитлер «через каких-нибудь пять лет...станет господином на море...Что тогда случится с нами?.. Что случится с нашей империей?..»⁵¹.

Гитлер, не дожидаясь ответа на свои мирные предложения, 9 октября подписывает директиву №6 о ведении войны, в которой потребовал начать подготовку для нанесения удара по Англии и Франции через Голландию и Бельгию (хотя отрицательные ответы были получены: от Франции - 10 октября, от Англии - 12 октября 1939 г.). Лиддел Гарт в этой связи считает, что Гитлер «начал обдумывать наступательные действия на Западе ещё до завершения польской кампании и даже ещё раньше, до своего публичного выступления с предложением о созыве всеобщей мирной конференции»⁵². Представляется вероятным, что для Гитлера было бы желательно, чтобы Англия и Франция сдались, но, видимо, выдвигая перед ними условия мирного урегулирования, он понимал, что невозможно дожидаться согласия и осознавал неизбежность войны. Этот маневр давал фюреру время для подготовки удара на Запад, а также возможность представить свои последующие действия как результат отказа западных держав от мирного урегулирования.

Таким образом, обстановка для Англии ухудшалась, правительство начало разрабатывать различные планы с целью давления, ослабления Германии, например, так называемые планы «скандинавский», «балканский» - для расширения сфер военных действий. В частности И. Риббентроп в своих мемуарах заявляет: «...только упреждение Германией может помешать Англии превратить Скандинавию в арену военных действий»⁵³.

---

⁴⁹ Hoffman P. The Questions of Western Allied Co-Operation with the German Anti-Nazi Conspiracy, 1938 –1944. // Historical Journal. 1991. Vol. 3. N. 2. P.437, 443-446.

⁵⁰ Черчилль У. Ук. соч. С. 223.

⁵¹ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата... С. 497.

⁵² Гарт Б.Л. Вторая мировая война. / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. - М.: Изд. АСТ, 1999. – 944 с. С. 56.

⁵³ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. Из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. - М.: Мысль, 1996. – 331 [2] с. С. 164.

Серьёзным ударом по Германии в тот момент могла быть война на два фронта. Необходимым условием для этого являлось равноправное соглашение Советского Союза, Великобритании и Франции. Но, изыскивая средства для отведения удара от себя, английское правительство не идет на сближение с СССР. Отсутствие этой заинтересованности проявилось в различных сферах: экономической, политической, идеологической. Причём выделяют три этапа ухудшения англо-советских отношений: после **23 августа 1939 г., после 17 сентября и в период финской войны 30 ноября 1939 – 12 марта 1940 г.**

В английской и французской печати пропагандировались идеи о том, что пакт о ненападении 23 августа 1939 г. между Германией и СССР позволил развязать вторую мировую войну, что Россия стала союзницей Германии, обе проводят агрессивную политику, наладив между собой экономические связи. Советское полпредство во Франции отмечало, что если раньше в печати старались избегать того, что могло раздражать Советский Союз и «тщательно подхватывать» то, что могло бы обострить отношения между СССР и Германией, «то теперь усиливается общая антисоветская кампания». Английский журнал «Лейбор Мансли» отмечал, что после поражения Польши «против Советского Союза была развязана настоящая пропагандистская война».

Обострение англо-советских отношений проявилось и в сфере торговли. В начале сентября английские власти запретили вывоз из Англии ряда заказанных и оплаченных товаров советскими внешнеторговыми организациями. У всех фирм была одна оговорка: «Началась война, и теперь всё это нужно нам самим». Экспорт станков и оборудования в СССР значительно сократился. Произошло это в результате настоятельных требований военно-морского министерства. Советское правительство приняло контрмеры и запретило экспорт советских товаров в страны, создающие неблагоприятные условия для советской внешней торговли, обвинив при этом британское правительство в разрыве англо-советского торгового соглашения, подписанного в июле 1936 г.⁵⁴ Проводя экономическую блокаду Германии, англичане задерживали советские суда, чем вызывали резко отрицательное отношение советского правительства. На попытки блокировать Россию сталинское руководство ответило решением не поставлять лес в Англию, в котором последняя нуждалась. В итоге торговля, хотя и в меньших масштабах, продолжалась. 11 октября 1939 г. подписано соглашение, по которому Англия в обмен на лес обязалась поставлять в Советский Союз различные товары, в том числе каучук, олово⁵⁵.

В целом удельный вес Англии в товарообороте СССР сократился с 15,5% (в 1939г.) до 0,5% (в 1940 г.)⁵⁶.

---

⁵⁴ Китчен М. «Загадка, покрытая мраком неизвестности»: британские оценки СССР на начальном этапе второй мировой войны. // Война и политика, 1939-1941. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. - М.: Наука, 1999. С. 108.

⁵⁵ Medlicott W.N. The Economic Blockade. - L.: H. M. Stationery Off, 1952. P. 314.

⁵⁶ Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918-1966. - М.: Международные отношения, 1967. – XIV, 242 с. С. 14.

Вторая волна недовольства со стороны английского и французского правительств была вызвана вступлением советских войск на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 17 сентября 1939 г.

Действия советской стороны нашли полное одобрение со стороны представителей левого крыла лейбористской партии, таких как Криппс, Ласки, Бивен, которые считали, что «русские вынуждены поступать подобным образом ради собственной безопасности, так как ни Великобритания, ни Франция, ни сами поляки не были способны защищать Польшу от нацистов».⁵⁷ Многие политические деятели того времени, негативно относившиеся к советской власти и неприязненно встретившие продвижение Красной Армии на территории Польши, оценивая данные события, тем не менее признавали, что с точки зрения безопасности для СССР это необходимая мера. У. Черчилль, выступая по английскому радио 1 октября, заявил: **«Россия проводит холодную политику собственных интересов... для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии»**.⁵⁸ Он был убежден, что сложившаяся ситуация свидетельствует о **создании Восточного фронта, «на который нацистская Германия не посмеет напасть»**. С этим мнением полностью соглашается Чемберлен, который в своем письме к сестре отмечал, что Россия всегда будет действовать согласно ее собственным интересам и добавлял, что не поверит, **«чтобы она сочла победу Германии и последующее установление германского господства в Европе отвечающими ее интересам»**.⁵⁹ Галифакс заявил, что **«Россия лишь подошла к своим рубежам, которые в основном представляют собой линию, рекомендованную лордом Керзоном»**.⁶⁰ Подобным образом оценивал происходящее Ллойд Джордж. В письме польскому послу от 27 сентября 1939г. он отмечал, что русская армия заняла территории, которые не являются польскими. **«Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением немцев»**. Таким образом, ведущие английские политики оценивали действия советского руководства как самостоятельные и направленные на обеспечение безопасности собственного государства.

В советском продвижении в Польшу многие английские военные и политические деятели видели положительные моменты для Великобритании. Британские военачальники предполагали, что в результате устранения важного буферного государства две потенциально враждебные страны оказались в непосредственном соприкосновении друг с другом, и между ними неизбежно возникнут трения.

Существовала точка зрения, что Сталин надеется на военное столкновение западных держав и их ослабление. В результате такого развития событий Советы получили бы стратегическое преимущество для захвата

⁵⁷ Cooke C. The Life of Richard Stafford Cripps. - L.: Heinemann, 1957. P. 248-250.

⁵⁸ The Times. 2. 10. 1939.

⁵⁹ Gilbert M. Winston S. Churchill. - L.: Heinemann, 1976. – 1167 p. P. 51.

⁶⁰ Parliamentary Debates. House of Lords. Official Reports. Fifth Series. Vol. 114. Col. 1565; Bilainkin G. Maisky: Ten Years Ambassador. - L.: G. Allen and Unwin Ltd., 1944. P. 228.

Центральной Европы. Военные аналитики отвергали эту идею, так как считали, что советские вооружённые силы настолько деморализованы, что не в состоянии осуществить данный план⁶¹. Таким образом, по оценкам британских экспертов советское государство не воспринималось как агрессор, преследующий экспансионистские цели, но оно могло оттянуть на себя Германию, представляющую реальную угрозу для Англии и предпосылки к этому были созданы.

Несмотря на вышеперечисленные оценки, английское правительство, получив ноту от СССР, в которой обосновывались действия советского правительства и заявлялось о политике нейтралитета в отношении с Англией, обсуждали вопрос о том, не следует ли объявить войну России⁶². **Однако юридических оснований на постановку такого вопроса не было.** Англо-польский договор о взаимопомощи от 25 августа 1939 года имел в виду Германию⁶³.

Таким образом, период «странной войны» показал, нежелание Англии воевать с Германией. Её стратегической задачей стала установка на оборону. В то же время идти на мирные переговоры с Гитлером было неприемлемо, так как означало фактически капитуляцию. В этой обстановке единственным спасением могло быть переключение войны на Восток. Но Англия не смогла воспрепятствовать развитию «блоковой стратегии» Гитлера, согласно которой наступление началось на Запад.

Роль СССР во внешней политике Великобритании в период «странной войны»

В начальной период Второй мировой войны британское правительство заняло выжидательную позицию. Этот этап вошёл в историю под названием «странная война». Он охватывает период от нападения на Польшу 1 сентября 1939 года до начала наступления немецких войск на Западе весной следующего года. Суть её в том, что формально Англия объявила войну Германии, а на деле её не вела. Возникает вопрос, почему Великобритания, не смотря на опасность со стороны Германии, не пошла на решительные действия против неё? Почему британское правительство не взяло курс на создание антигитлеровской коалиции с участием СССР на данном этапе?

Британская позиция была вызвана неопределённостью сложившейся ситуации. Не было известно куда будет направлена германская агрессия в дальнейшем и какой из двух альтернативных путей (западный или восточный) будет выбран Гитлером. Проблемы, стоявшие перед Великобританией накануне войны, в этих условиях обострились с новой силой. По-прежнему главной целью оставалось отвести удар от себя, с той разницей, что война уже началась, Англия к тому времени потеряла стратегическую инициативу и не могла препятствовать действиям Гитлера. Его мирные предложения были для неё

⁶¹ Китчен М. Ук. соч. С. 107 - 108.

⁶² Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. - L.: H.M.S.O., 1962. P. 7.

⁶³ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports. Fifth Series. Vol. 352, Col. 1082.

неприемлемы, так как фактически означали гибель Британской империи. Но и активных действий против агрессора она была вести не в состоянии. В этой связи роль Советского Союза как громоотвода возрастает и задачей английского руководства на данном этапе становится – «переиграть» войну на восточное направление. Изоляция СССР, отсутствие обязательств перед ним со стороны западных держав должны были этому способствовать. Поэтому борьба на западном фронте между Англией, Францией и Германией не разгорается. В то же время в отношении СССР проводится враждебная и провокационная политика.

Уже в период первой кампании - по захвату Польши Германией (1 - 28 сентября 1939 г.) - Англия и Франция проявили свою пассивную позицию и нежелание вмешиваться в вооруженный конфликт, хотя должны были немедленно оказать помощь согласно их гарантиям и союзным договорам, в том числе учитывая англо-польский договор о взаимопомощи от 25 августа 1939 г. Однако это произошло только 3 сентября. Война была объявлена формально, а фактически никакой эффективной помощи не оказали, хотя силы для этого были. 110 французских и английских дивизий оставались в полном бездействии против 23 германских дивизий на Западе. Не предпринималось и попыток провести бомбардировки с воздуха германских пунктов военно-стратегического значения (например, военные заводы Эссена или пути сообщения), чтобы не навлечь на себя ответных действий немецкой стороны. Англичане ограничились отправкой бомбардировщиков, которые разбрасывали над Германией листовки, взывающие к нравственности немцев. Эта мера в дальнейшем получила название «война конфетти». Исключение составляли военные действия на море, но они не изменили соотношения сил.

Английская стратегическая линия предусматривала оборону и изматывание противника. В отношении Германии проводилась политика экономической блокады. Перехватывались и проверялись нейтральные суда, закупались товары, которые были нужны Германии, захватывался германский экспорт. Таким образом пытались доказать гитлеровскому правительству, что оно войну не выиграет. Тактика оказалась мало эффективной. В Германии в это время комплектовались новые воинские части, изготовлялось новейшее вооружение. К марту 1940 г. Гитлер мог утверждать, что германская военная мощь увеличилась за истекшие пять месяцев больше, чем за предшествующие семь лет.

Серьёзным ударом по Германии в тот момент могла быть война на два фронта. Необходимым условием для этого являлось равноправное соглашение Советского Союза, Великобритании и Франции. Вместо этого западными державами в отношении СССР была занята враждебная позиция, что проявилось в различных сферах: экономической, политической, идеологической.

Удельный вес Англии в товарообороте СССР сократился с 15,5% в 1939 г. до 0,5% в 1940 г. Последовало три антисоветские волны: после пакта 23 августа 1939 года, после введения советских войск в Польшу 17 сентября 1939

г., во время советско-финской войны 30 ноября –12 марта 1940 г. Причём, в ходе зимней войны явно проявилась основная цель английского правительства: переключение военных действий на СССР. Советский Союз был исключён из Лиги Наций. Правящие круги Великобритании оказывали Финляндии помощь кредитами, вооружением, военным снаряжением, были попытки организовать посылку «добровольцев» (хотя это являлось нарушением действовавших английских законов). Разрабатывались планы нанесения ударов по советским нефтедобывающим и перерабатывающим предприятиям в Баку, Батуми, Поти, Грозном, тем самым хотели «поставить русских на колени». Рассматривались планы ведения войны против Советского Союза.

Признавалось, что нейтральная позиция сталинского правительства во время военного конфликта западных держав усилит позиции советского государства, что являлось неприемлемым условием для Англии. В то же время с точки зрения начальников штабов Великобритании не должна была предпринимать военных действий в Скандинавии против СССР. Оставалась надежда, что действия Советского Союза против Финляндии приведут к ухудшению его отношений с Германией. Поэтому, затянувшееся столкновение советской и финской сторон было выгодно правящим кругам Великобритании. В этих условиях переключить войну на восточное направление было бы легче.

Вполне логичным представляется вывод английского историка Тейлора о том, что находясь в войне с Германией, спровоцировать войну с Россией для Англии было либо сумасшествием, либо существовал более злобещий план по направлению войны по антибольшевистскому курсу, с тем, чтобы война против Германии могла быть забыта или даже закончена⁶⁴. Но британская стратегия на начальном этапе войны сама себя парализовала и позволила Гитлеру начать беспрепятственное наступление на Запад.

---

⁶⁴ Taylor A.J.P. English History: 1914-1945. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1965. – XXVII, 708 p. P. 469.

Занятие: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЕ.

Источник текста:

Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929 – 1941 годы. – М.: Вече, 2004. 576 с. С. 397 – 401.

Покорение полюса

В результате побед моральный дух финской армии заметно вырос, а у красноармейцев началась «финнобоязнь». Финляндия, подвергшаяся агрессии, стала символом сопротивления тоталитарным державам. В страну направились добровольцы самых разных взглядов — от социал-демократов до антикоммунистов правого толка. Великобритания и Франция поддержали Финляндию оружием и продовольствием. На короткое время Финляндия стала таким же политическим полюсом, каким два-три года назад была Испания. Теперь политические координаты перестраивались относительно этого «Северного полюса», что давало неожиданный шанс героям Мюнхена.

14 декабря 1939 г. Лига Наций объявила СССР агрессором и исключила его из своего состава. При принятии этого решения, как говорили в кулуарах Лиги, «храбрость наций возрастала прямо пропорционально удаленности их местонахождения от Финляндии»⁷⁶⁸. Но решающее слово в агонизировавшей Лиге принадлежало Великобритании и Франции. Неужели они отошли от прежней циничной политики 30-х гг. и решили бескорыстно заступиться за жертву агрессии? У. Черчилль пытается представить дело именно так: «Чувство негодования против Советского правительства... разгорелось ярким пламенем... Несмотря на уже начавшуюся всемирную войну, повсюду проявлялось большое желание помочь финнам... Но для доставки военного снаряжения и добровольцев в Финляндию существовал только один путь. Порт Нарвик с его горной железной дорогой к шведским железным рудникам приобретал новое моральное, если не стратегическое значение»⁷⁶⁹. Вот такая мораль с географией. Упоминание шведских рудников показывает, что Нарвик имел как раз стратегическое, а не моральное значение. Ведь добровольцы прибывали в Финляндию менее сложным путем — через Осло и Стокгольм.

Корни англо-французского интереса к Финляндии лежали севернее скандинавских границ. В Швеции находились рудники, без которых не могла работать военная промышленность Германии. Летом руда транспортировалась по Ботническому заливу, недоступному для союзников, а зимой — в территориальных водах нейтральной Норвегии через ее порт Нарвик. Захватив Нарвик, а желательнее и сами рудники, союзники наносили Германии тяжелейший удар. Вот она, бескровная война. Небольшие десанты вдали от линии Зигфрида — и Гитлер запросит мира. Поэтому союзники отнеслись к Финляндии с поразительным (если вспомнить судьбу Испании и Чехословакии) благородством.

В своих «благородных побуждениях» помочь финнам союзники приступили к планированию высадки в Скандинавии. Черчилль, словно забыв о первоначальных моральных мотивах, цинично констатирует: «Если бы Нарвик стал своего рода союзной базой снабжения финнов, несомненно, было бы нетрудно помешать немецким кораблям грузиться там рудой и беспрепятственно плыть по коридору (норвежских нейтральных вод. — *А.Ш.*) в Германию»⁷⁷⁰. Помощь Финляндии была лишь поводом для того, чтобы обойти норвежский и шведский нейтралитет.

19 декабря Даладье предложил направить союзный экспедиционный корпус в Финляндию через Норвегию и Швецию. Очевидно, что если бы союзные войска высадились с согласия скандинавов в Нарвике, с поставками шведской руды в Германию было бы покончено. Так что, узнав о намерениях союзников, Гитлер стал готовить высадку в Норвегии.

Как считает Б. Лиддел Гарт, «Гитлер, хотя и был неразборчив в средствах, предпочел бы сохранить нейтралитет Норвегии и не планировать вторжение в нее, однако очевидные признаки готовящихся враждебных действий союзников в этом районе спровоцировали его на подготовку этого шага»⁷⁷¹.

Скандинавы не давали добровольного согласия на прибытие англо-французских войск, понимая, что для них будет означать высадка Союзников, а затем и немцев (которые так просто не отдадут руду). Столкнувшись с заверением шведов, что они будут защищаться силой против любых войск, которые вступят на их землю, союзники сначала отступили и стали обсуждать возможность десанта в финском Петсамо. Но мысль генерала Гамелена, разрабатывавшего этот план, все время возвращалась к главному — одновременно нужно захватить Нарвик, после чего распространить операцию на Швецию. Теперь было решено не требовать согласия Норвегии и Швеции, потому что по уставу Лиги Наций не требовалось разрешения на транзит войск для оказания помощи жертве агрессии (это как раз та статья устава, которой в 1938—1939 гг. не давали воспользоваться СССР). Для высадки на севере планировалось привлечь 3—4 дивизии, укомплектованные солдатами, которые могут вести войну в северных широтах. Когда такие дивизии понадобятся в Норвегии в апреле 1940 г., выяснится, что среди всех частей британской армии «не было ни одной, способной продвигаться по местности, покрытой толстым снежным покровом»⁷⁷². Тем более не было их у теплолюбивых французов. Да и вряд ли 13—17 тыс. человек могли изменить ход Зимней войны, в которую были вовлечены сотни тысяч бойцов.

Между тем Даладье в своих планах превзошел самого Наполеона. Он отдал указание готовить вторжение на Кавказ. Планировалось подвергнуть бомбардировке бакинские нефтепромыслы. Понятно, почему — бакинская нефть шла немцам. Но Гитлер получал нефть также из Румынии. И это предусмотрено — Франция должна была заручиться поддержкой Турции, ввести свой флот в Черное море, после чего на сторону антигерманской и антисоветской коалиции перейдет Румыния. Затем южная армия вторжения

могла бы двигаться «навстречу армиям, наступающим из Скандинавии и Финляндии на Москву».

В основе этого плана — фантастическая недооценка советской военной мощи, вызванная неадекватной оценкой хода советско-финляндского конфликта. Но план Даладье интересен не только этим. Перед нами классические стратегические «клещи». У них только один недостаток — в «окружении» таких хилых клещей оказывается слишком большой «котел» — совокупная мощь Германии и СССР. А если бы объединенная Мюнхеном Европа действовала против СССР в 1939 г., в этом плане не было бы ничего неосуществимого. Тогда не нужно было бы высаживаться в экзотических северных широтах. На Ленинград можно было бы наступать по кратчайшей дороге, чтобы создать там российское правительство во главе с Керенским (остроумные финны в 1939 г. рассматривали такую возможность в ответ на провозглашение правительства Куусинена). Дальнейшее наступление на Москву могло сопровождаться действиями широкой антисоветской коалиции в бассейне Черного моря и в Закавказье. Недаром Сталин так опасался примирения между Германией и англо-французской коалицией. Сразу за таким миром СССР оказывался бы перед лицом смертельной угрозы.

Но пока антигерманская коалиция была связана противостоянием с Германией, авантюра Даладье могла вылиться в попытку повторить Крымскую войну, разумеется — без надежд на наступление на Москву. Ссылка на это наступление нужна была, чтобы увязать захват Дарданелл с войной в Финляндии.

Англичане горячо поддержали этот план. Начальник генерального штаба Э. Айронсайд, тот самый, который равнодушно отнесся к мольбам поляков о помощи, заявил: «На мой взгляд, мы сможем оказать эффективную помощь Финляндии лишь в том случае, если атакуем Россию по возможности с большего количества направлений и, что особенно важно, нанесем удар по Баку...». Что может быть важнее Баку для помощи Финляндии? Только шведская руда. 3 февраля 1940 г. началась подготовка к бомбардировке Баку.

5 февраля Высший военный совет союзников обсуждал возможность высадки в финском Петсамо. Но это опасно — Петсамо уже занят Красной армией. Не мудрствуя лукаво, союзники решили все-таки высаживаться и в Нарвике, и в Петсамо. Операция была запланирована на 15—21 марта.

Маннергейм, сначала понадеявшийся на помощь союзников, узнав подробности, понял, что до Хельсинки союзники могут и не дойти.

Финское руководство во главе с премьером Рюти осознавало, что долго продержаться весной не удастся. Поэтому, когда шведское правительство, обеспокоенное приближением войны к рубежам королевства, выступило с инициативой посредничества, в январе 1940 г. начались консультации — сначала с послом СССР в Швеции А. Коллонтай.

В январе 1940 г. Сталин решил вернуться к скромным задачам — взять не всю Финляндию, а отодвинуть границу от Ленинграда и установить контроль над Финским заливом. «Вождь народов» не был расположен окончательно

ссориться с «Антантой», потому что в этом случае СССР автоматически оказался бы в прогерманской коалиции. А у Сталина были другие планы. 5 февраля Коллонтай встретила в Стокгольме с министром иностранных дел Финляндии Таннером.

Но прежде, чем приступать к открытым переговорам, нужно было восстановить престиж советского оружия. Северо-Западный фронт под командованием С. Тимошенко стал готовить прорыв линии. 11 февраля начался массированный обстрел финских укреплений. 13 февраля 7-я армия вклинилась в них и 16 февраля прорвала линию Маннергейма. К 19 февраля линия была прорвана на всю глубину. Если раньше морозы мешали советскому наступлению, то теперь Мерецков мог бросить пехоту и даже танки в обход Выборга по льду Финского залива. В Карелии советские войска также пришли в движение и стали осторожно вытеснять финнов с позиций, деблокируя окруженные части РККА.

12 марта советские войска ворвались в Выборг. Это значило, что через несколько дней может пасть Хельсинки, и сопротивление даже в случае прихода союзников будет продолжаться только в центральной Финляндии. А без немедленной помощи союзников советские войска получали возможность вскоре отрезать финские войска от внешнего мира, что предопределило бы их поражение уже к середине года. По мнению О. Маннинена, «со второй половины февраля стала очевидной безнадежность борьбы, поражение представлялось необратимым»⁷⁷⁵.

Несмотря на угрозу высадки союзников, время работало на СССР, поскольку против почти миллионной армии Северо-Западного фронта союзники могли бы только обороняться вместе с остатками финских войск.

Союзники убеждали Финляндию, что если она продержится еще чуть-чуть, то вот-вот придут 100 тыс. англо-французских солдат. Ну, в крайнем случае, 50 тыс. На самом деле планировалось послать около 12—13 тыс. — как раз столько, сколько нужно для удержания Нарвика. Но было важно, чтобы финны держались, потому что иначе будет утерян повод для захвата Нарвика.

Карта территориальных изменений
(по предложениям СССР на конец 1939 г.)

Екатерина Евгеньевна **Михайлова**

**СССР ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ. 1937 – 1941 гг.**

Хрестоматия

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского».
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Подписано в печать   Формат
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 3,3.
Заказ №   Траж 100 экз.

Отпечатано в типографии Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского
603600, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37
Лицензия ПД № 18-0099 от 14.05.01.